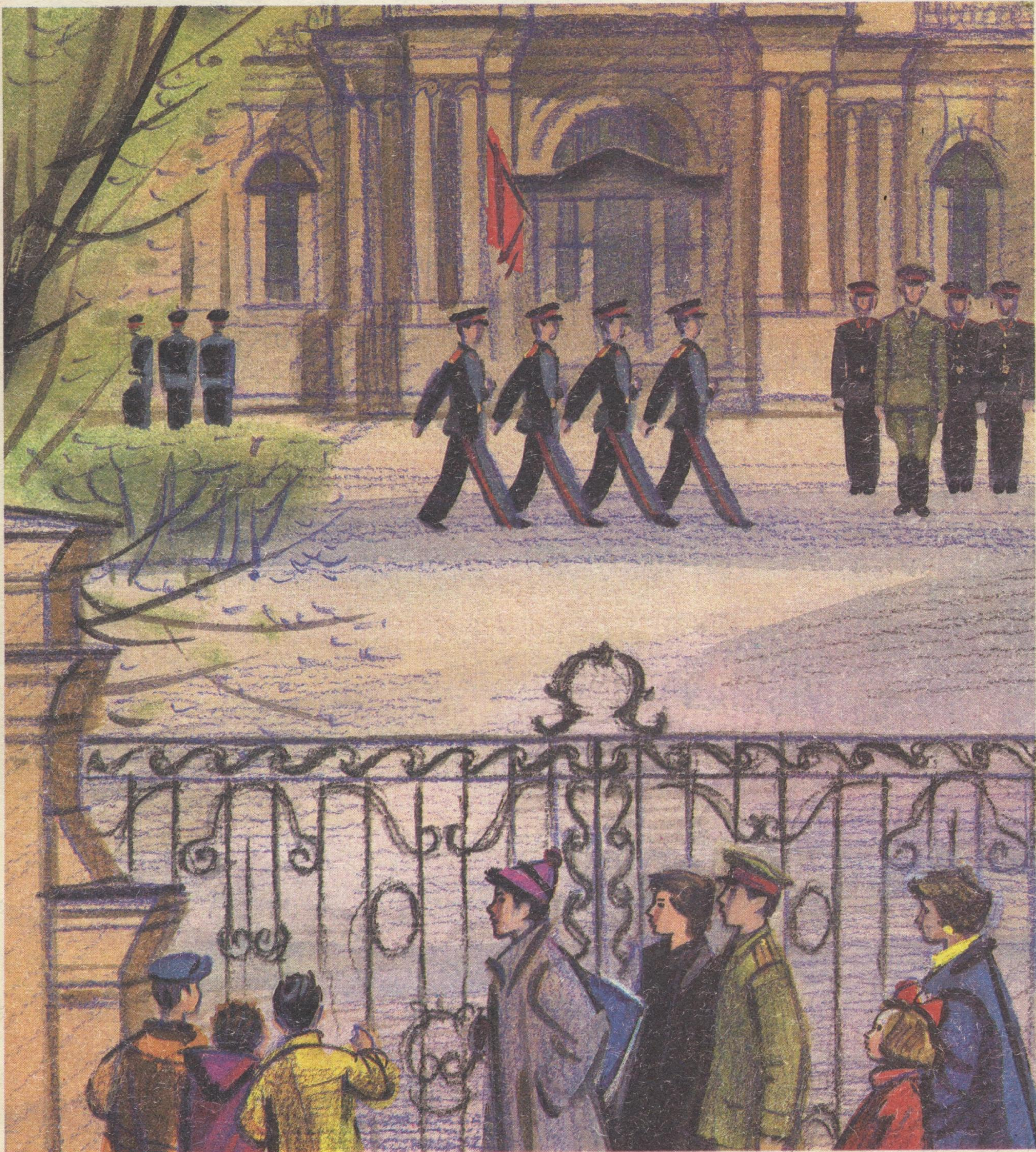

КОСТЁР

5

МАЙ 1987

КОСТЁР

5
МАЙ
1987

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина

Союза писателей СССР

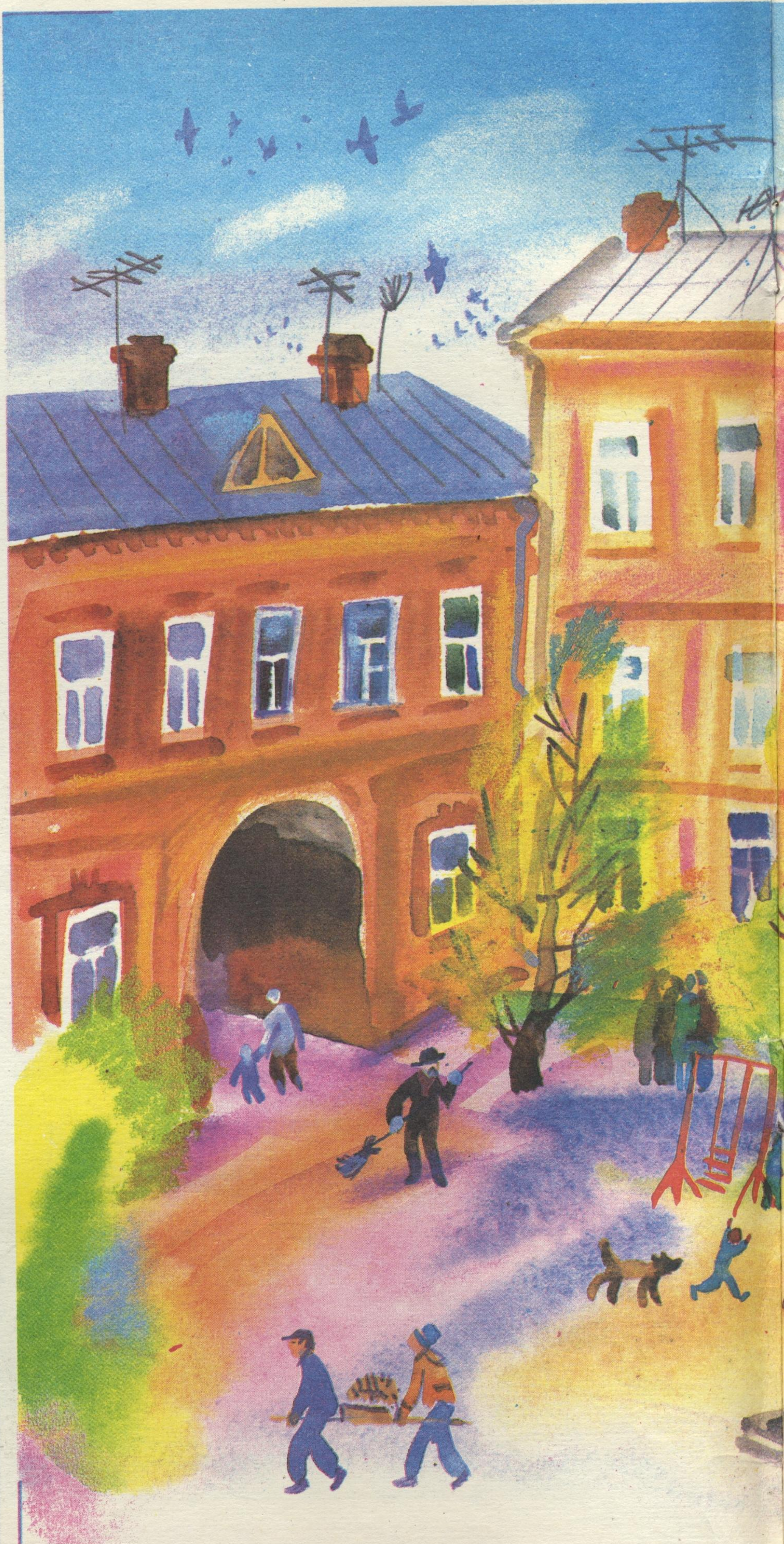
Издается с 1936 года

© «Костер», 1987 г.

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

С добрым утром, школа! очерк О. Ефремовой	1
Я успею, ребята! повесть А. Ефремова	4
Барабан	12
Салют, увлеченные!	16
Крейсер поднимает красный флаг очерк А. Гостомыслова и И. Карусевой	18
Стихи твоих ровесников	20
Каникулы в тундре повесть Н. Курилова	21
Зеленые страницы	28
История одной фотографии	30
Маленький Ключарев и его бабки отрывок из рассказа В. Маканина	31
Мастер очерк Ж. Яновской	34
Киноклуб	36
К 175-летию со дня рождения Э. Лира очерк К. Васильева	38
Морская газета	40
Арчебек	43
Веселый звонок	44
Кузнечик	46

На обложке рисунок А. Борисенко

С ДОБРЫМ УТРОМ, ШКОЛА!

Приходите в эту школу в понедельник утром, перед началом уроков. Вы не увидите там ни одного учителя. Все учителя в это время на планерке, за закрытой дверью. Школа полностью предоставлена ребятам. Тем не менее...

Понедельник — день тяжелый. Десятиклассник Саша Колпаков, собираясь на урок, забыл дома тапочки. Щупленький четвероклассник с красной повязкой на рукаве преградил ему дорогу: «Где сменная обувь?» И Саша побежал обратно. Ничего не поделаешь, таков порядок, одинаковый для всех. До звонка он не успел. Неумолимые дежурные, отобрав у него дневник, записали: «Опоздал на первый урок».

Пока Саша бегал туда-обратно, жизнь в школе шла своим чередом. Так заведено, что все малыши, с первого по третий класс, завтракают в школьной столовой. Сначала они поднимаются в свой кабинет переодеться, а там их встречают вожатые. Они говорят ребятам: «С добрым утром!» — и еще что-нибудь хорошее. А потом выстраивают их в колонну и ведут в столовую, где дежурные уже накрыли столы.

А Саша, можно сказать, случайно опоздал к своим подшефным. Они остались беспризорными. Вожатого грызла совесть, потому что доверчивые, привязчивые малыши не только скучали и ждали, так еще, небось, и на головах ходили!

Однажды в столовую зашел педагогический совет в полном составе. Несколько минут ребята почтительно молчали. Но потом у преподавателей от шума, гама, звона ложек о тарелки заложило уши. А акустика в столовой такая, что

впору устраивать там концертный зал. И педсовет, посоветовавшись, решил, что бесполезно заставлять детей молчать, если им хочется галдеть. Тем более, что обед — это не урок. И у учителей возникла идея: установить в столовой радио и по школьной трансляции передавать приятную музыку, а для малышей — сказки. Теперь ребята и вправду ведут себя на обеде, как на концерте.

...А Саша Колпаков в это время, прыгая через три ступеньки, бежал вверх по лестнице, на урок. У школьников, которые попадались навстречу, был чрезвычайно деловой вид. Они были с метелками, молотками и клещами. Порядок наводили.

Саше казалось, что все одноклассники его осуждают. Когда он, извинившись, вошел на урок, председатель ученического комитета Света Начинкина прошипела с первой парты:

— Ага! Мало того, что к малышам не явился. Да еще опоздал! Сегодня Учком. Ждем с нетерпением!

Учком состоит из четырех комиссий: учебной, дисциплинарной, трудовой и санитарной. От каждого класса выбран представитель в каждую из них. Учителя на заседаниях не присутствуют. Вернее, заходят иногда, но как бы в гости. И поэтому нельзя позавидовать двоечникам, шалунам, лентяям и замарашкам этой школы.

И Саше Колпакову в этот день

нельзя было позавидовать. Если бы его ругал учитель, а товарищи в это время сочувствовали... Но досталось ему именно от товарищей.

Дело в том, что школа № 97 Первомайского района города Ростова-на-Дону существует не так давно. Ее, такую красивую, просторную, построили всего четыре года назад. И собрали в нее детей из разных школ. А директором назначили Нину Александровну Жердеву...

Первомайский район и районом-то никто не называет: все поселок да поселок. Он расположен на окраине Ростова, и живут там в основном рабочие знаменитого предприятия «Ростсельмаш». Но поселок считается не вполне благополучным — хулиганов там порядочно.

Нина Александровна была обеспокоена: недалеко от школы — рощи, и вечерами ходить там страшновато. То свист раздается, то крики. А некоторых мальчишек так и тянуло туда — жечь костры, покуривать... Как сделать, чтобы школа стала для ребят домом, чтобы им интересно было здесь?

Первое, что задумали: каждый преподаватель, помимо своего предмета, должен вести кружок или факультатив.

А ребята пока осваивались в «новом доме». Первое время они ходили недовольные. Дело в том, что в школе было много мелких недоделок. Например, ручки от водопроводных кранов не были закреплены, — отлетали и терялись.

— Безобразие! — раздавались голоса, — ни вымыться, ни воды попить!

Вдруг кто-то сообразил: — А что у нас рук, что ли, нет?

И все взялись за дело. Стоило только почувствовать себя хозяевами школы. Появлялись все новые и новые заботы.

...Территория вокруг школы не была ограждена забором. Поэтому школьным двором мог считаться весь поселок.

И местами этот огромный «двор» выглядел безрадостно. Группа учеников во главе с директором прошла по Первомайскому.

А после этого разбежались по поселку маленькие гонцы:

— Тетя Маша, у вас куча мусора возле дома лежит! Мы вам поможем убрать.

— Дядя Коля, у вас забор завалился! Давайте починим.

Ни у кого из взрослых ни разу не повернулся язык сказать: «Не твоё дело!» — и рука не поднялась захлопнуть дверь. Чаще всего хозяин смущенно благодарил, вручал пионеру лопату, брал лопату себе, и они шли работать в сад. А потом вместе пили чай с вареньем.

Были выбраны «командиры домов». Каждый житель каждого многоквартирного дома знает своего «командира». По его сигналу все выходят на субботники — сажать цветы, деревья. Многим даже пришлось специально приобретать садовый инвентарь.

Дома ребята устраивают для своих родителей и соседей домашние концерты. Когда чей-нибудь папа идет на стадион, он забирает с собой всех мальчишек подъезда. А чья-

нибудь мама учит вязать не только свою дочь, но и ее подружек.

Саша спешил на свой любимый урок, хореографию. Ею занимались ученики с первого по шестой класс. Но в начале года десятиклассники заволновались: скоро выпускной, а мы вальс танцевать не умеем! Теперь умеют.

А у Саши были свои причины любить этот урок. Случилось так, что он увлекся танцем, который называется «брейк-данс». Это очень популярный среди подростков танец, к которому взрослые относятся подозрительно. Саша подошел к учительнице хореографии и все ей объяснил: танец необыкновенно

интересный, он развивает чувство ритма, гибкость, пластику, но заниматься им просто нигде: ребят, увлекающихся «брейком», отовсюду гонят.

— Ну, что ж, — сказала Тамара Владимировна Лебединская, — будем разучивать брейк-данс в школе. Зови всех желающих.

Желающих оказалось много. Почти весь год они учились.

Но в этот день никому из них потанцевать не было суждено.

В класс зашел Юрий Петрович Пульнев, руководитель производственного участка.

— Ребята! — сказал он, — завод план не выполняет. Давайте-ка поможем!

«Такова жизнь», — подумал Саша и вместе со всеми пошел за Юрием Петровичем.

На школьный производственный участок перенесен полностью один из цехов завода «Ростспецмаш». Ребята изготавливают детские кровати. Им приходится выполнять 11 операций. Мальчишки работают на станках, а девочки оплетают цветной проволокой спинки кроваток.

Есть на участке и начальник цеха, бригадиры, контролеры ОТК, инструктор техники безопасности из числа учеников. Если их спрашивают: «Это у вас что, игра такая?» — ребята обижаются: «Какая там игра! Продукцию-то после нас никто не проверяет!» Действительно, ответственность велика.

«Так не бывает, чтобы все время не везло», — подумал Саша. И на уроке физики получил пятерку.

А после уроков прошло одно очень важное мероприя-

тие. В школе регулярно проводится учителями родительский всеобуч. Но на этот раз его провели десятиклассники.

Они решили включиться в борьбу с пьянством и алкоголизмом, которую ведет вся страна. Провели анкетирование всех учеников: пьют ли их родители? Малыши честно ответили на все вопросы.

Когда в актовом зале собрались родители, Саша и его одноклассники вышли на сцену и рассказали, что это за беда — алкоголизм, откуда он берется, в каких странах и каким образом с ним воюют. Конечно, перед этим им пришлось многое прочитать и разузнать. Потом они взяли в руки анкеты и сказали: «Дорогие, любимые папы и мамы! Мы знаем, что некоторые из вас выпивают... Пожалуйста, не нужно этого делать!»

Многие родители говорили детям «спасибо», а одна мама даже заплакала.

А Саше Колпакову в этот вечер очень не хотелось уходить из школы. Тем более, что вскоре ему предстояло расстаться с ней навсегда — через несколько недель выпускные экзамены.

Ольга ЕФРЕМОВА
Фото Р. Лапицкого

Я УСПЕЮ, РЕБЯТА!

Андрей ЕФРЕМОВ

ПОВЕСТЬ

Рисунки О. Филипенко

Мне Ваньчик про Бориса Николаевича все уши прожужжал. Прямо у них там чудеса уже какие-то.

После школы он ко мне в пять часов заявился.

— Ожидаются атмосферные осадки, — говорит, — пошли ашникам вкатим, а то скоро коробку зальет.

Это мы в хоккейной коробке в футбол играем.

Вкатили. Стукали, пока мяч видно было. Подхожу к парадной, Юра на лавочке сидит.

— Дело, — говорит, — есть. Один к инвалиду съездишь? Пигузову коробку забросишь потом и все. Не могу я, честное слово, не могу. Только знаешь, ты ему вот это еще отведи. — И дает мне кассеты. — Может, возьмет. Хол когда еще заплатит, а я у отца теперь нисколько не беру. Потом мне позвони. Не забудь.

Хоть бы спросил Ваньчик, почему я к Борису Николаевичу не хожу. Надулся и все. Обижается, что я ему про себя не рассказываю; что ли? Ну и ладно, пусть что хочет думает.

Я и на кнопку давил, и калитку тряс — никто не открывает. Сзади дом обошел, смотрю — гараж открыт, и люди там ходят.

— Эй, — кричу, — эй!

Один подошел, между штакетинами на меня посмотрел.

— Лезь, — говорит, — на забор.

Я на нижнюю перекладину встал, свесился на ту сторону. Он на меня снизу смотрит.

— Не, такой рожи не знаю.

Я говорю:

— Мне инвалида. Тут инвалид был.

Обернулся.

— Дядя Федя!

Инвалид из гаража вышел и машет мне. Я и перелез. Стою в гараже, по сторонам смотрю. Гараж какой-то удивительный. Не гараж, а лаборатория. Приборов как у нашего физика, а места — хоть танцы устраивай. И машины никакой в гараже нет. Ремонтом он, что ли, здесь занимается?

Когда я в город приехал, к Пигузову еще рано идти было. Пойду, думаю, пешком, коробка в рюкзаке, одна, вроде и не тяжело.

Топал до него, топал, а все равно еще час остался. Ладно, думаю, позвоню кому-нибудь, найду двушку и позвоню. Только ведь и звонить-то, как назло, некому: Ваньчик в лаборантской, а других телефонов наизусть не помню. Думал, думал, Ленкин вспомнил. Она его на своей половине парты написала, так эту половину мне как будто

по телевизору показали. Ленка, так Ленка! Позвоню, как будто уроки спросить, а там придумается что-нибудь. Я двушки не нашел, гривенник в автомат засунул, так поговорить захотелось. Кручу диск и соображаю, что придумается-то? У меня этот Леня в голове сидит, как четвертная контрольная, я, что ли, про него ей говорить буду? Базылева уже к телефону подошла.

— Але! — кричит. — Але!

А я трубку бросил и пошел из будки. Даже гривенника не жалко. Ну, почему это такая ерунда получается? Ведь хорошее же дело делаем, а прячемся, как жулье какое-нибудь. Тому не скажи, этому не скажи! И не обманываем же никого. Или Юра стесняется, что мы как ишаки с этими коробками таскаемся.

Я слонялся незнакомыми переулками и все время перед Лёначкиным домом оказывался. Какое-то место заколдованное.

Ваньчик обижается. Ну, Юра... Подумаешь, у кого какие знакомые бывают. Не до пенсии же Юра будет кассеты продавать и коробки носить. Так? Наберем денег, и никакой нам Леня не нужен. Подумаешь, Пигузов.

Так время и прошло. На часы посмотрел — опаздываю. До самой квартиры как ошпаренный бежал. К Пигузову в комнату захожу.

— Тихо, — говорит, — чего топаешь? Не видишь, человек отдыхает.

Я смотрю, а на диване лежит кто-то. Пигузов коробку за диван пихнул.

— Консультант, — говорит, — на мясокомбинате работает. Он мне какую хочешь колбасу достанет.

Этот на диване храпеть начал.

— Устал, — говорит Пигузов, — наломался. Ты, что ли, у Юрки шестеришь? Звонил мне Юрка. Он тебе сказал, что я барахло не беру? Ты для барахла других дураков ищи. Чего смеешься? У меня техника — экстрa, мне фирменную музыку давай. За мою технику один чудак мотоцикл давал. Дурень, точно? Кто ж музыку на тарактелку менять будет?

Я говорю:

— Техника-то где?

У него в другой комнате в углу центр, куском обоев накрытый. Он обои снял, рукавом там чего-то потер.

— Видал?

А мне на эту аппаратуру смотреть жалко. Блоки исцарапаны, у одного фальшпанель краской заляпана, и ручки кто-то сменил, сразу видно, не те ручки.

— Ну, давай свои кассеты!

Кучей все на стол высыпал. Одну послушает, вторую... Дергается, как на веревочках.

— Говорил ведь, чтоб ерунду не носили. Вот я тебе сейчас поставлю.

Продолжение. Начало см. в №№ 3, 4.

Свои кассеты притащил, поставил одну.
— Класс, точно? Один человек из Канады привез. Ну уж Юркиных парочку так и быть, возьму. Деньги дает, но я же вижу — за одну кассету. Я говорю:

— За вторую-то?

А он захихикал сразу.

— Много ты понимаешь! — орет. — Мы с Юркой по телефону договорились.

Я у него Юрину кассету выхватить хотел, так он взбесился прямо. К стенке меня притиснул и коленом ударить старается.

— Гад, — шипит, — сопляк паршивый!

Еле вырвался я. Он мне кассеты со стола в сумку пошвырял.

— Катись, — говорит.

Дверь на лестницу открываю, а у самого руки дрожат. Я же никого еще не боялся так. Бабуля с кухни пришла, выпустила.

Дома кассеты из сумки вытащил — нету одной. Пигузов! Ясно теперь, зачем он суету мне устроил.

Я к Юре дозвонился, встретились около его дома.

— Эх, Витек, и надо тебе было... Все испортил... Подумаешь — кассета! Я бы ему, может, все свои записи толкнул. Чего ж ты натворил-то?!

— Да, — говорю, — конечно, он же не тебя своими вонючими лапами хватал. Может, мне еще извиниться сбегать?

Сунул я ему в руки пакет с кассетами и пошел.

Юра звал меня сначала, потом догнал и шел рядом. Я не отвечал ему, и скоро он отстал.

Я и не заметил, как оказался в этом сквере. Жесткие листья катались в короткой траве. Из-под маленьких кустов выпрыгивал полосатый кот. Он хватал листья лапами, нюхал и отпускал на волю. Иногда на кота налетало сразу много листьев, он фыркал и лупил себя толстым хвостом.

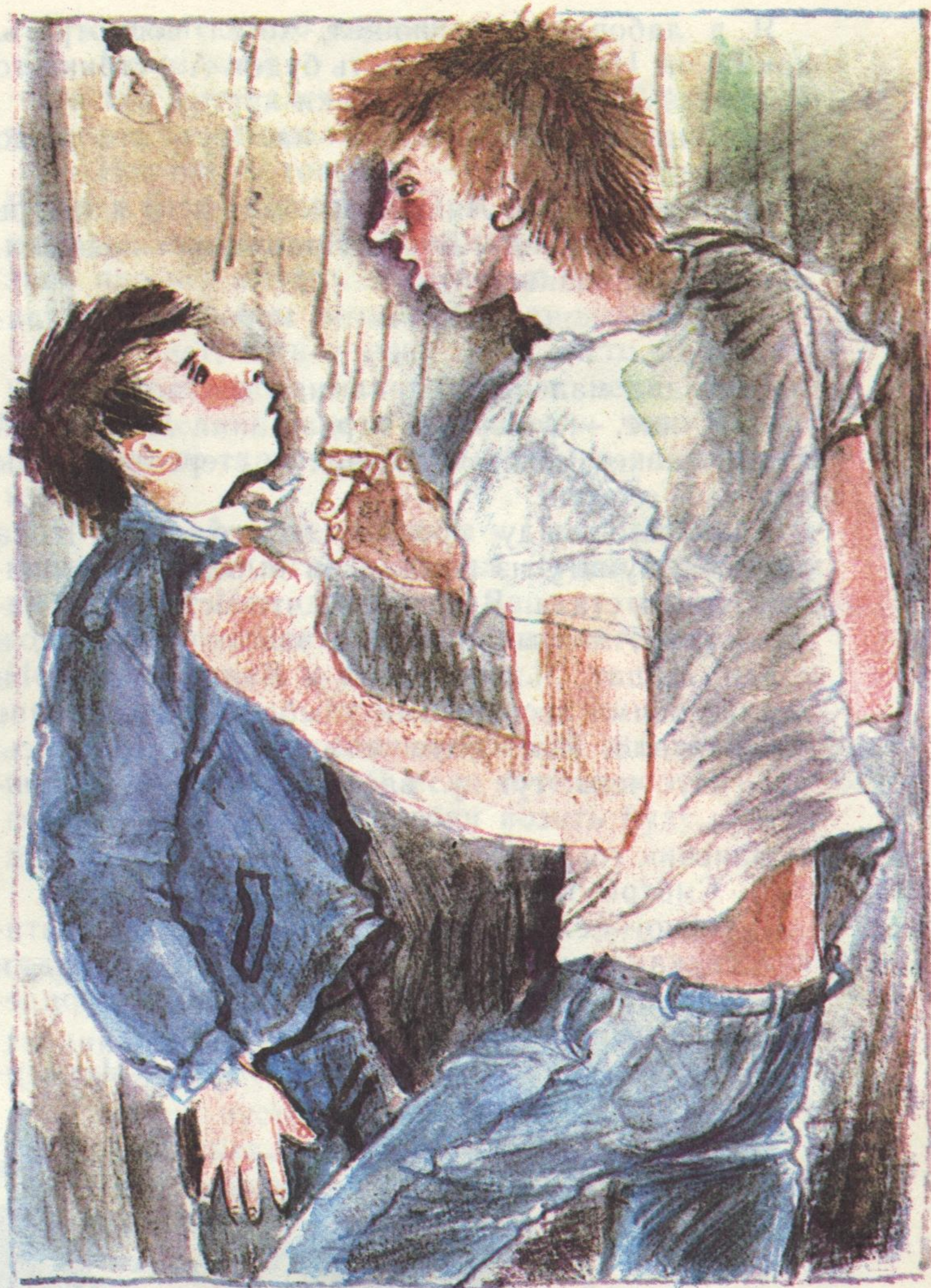
Было уже темно, когда я приехал домой. Папа стоял около парадной в домашних брюках, в куртке, накинутой на плечи. Он взял меня за подбородок, подержал так.

— Ну, Витька!..

Я делал уроки, а под стеклом на столе мама переправлялась через реку на олене. На том берегу ее ждали люди, а она смотрела назад серьезно и внимательно. Она смотрела, как будто от нас с папой увозил ее олень через реку.

Я про будильник напрочь забыл. Проснулся, а на часах уже ой-ой. Из дому как встрепанный выскочил и бегу. Так ведь на остановке Ванчик меня ждал. Мы вдвоем до самой школы как полоумные неслись. Я уже в классе говорю:

— Как там у вас, цвет от музыки не отвалился?

До самого звонка проговорили, ничего не слышали. Базылева на уроке спрашивает:

— Ты, Витька, чего такой разговорчивый?

— Погода, — говорю, — хорошая.

Посмотрел, а по стеклам в три ручья льется.

Ванчик после уроков говорит:

— Витьк, а Витьк, сгоняй за пирожками, а то Борис Николаевич уже ждет, а есть ужас как хочется.

Я с пирожками прибежал, слышу, возятся в лаборантской, разговаривают, а в кабинете Мишка Ляшин приборы на полу расставляет.

— Чего ж ты, — говорю, — металлолом же ведь.

А он и не отвечает. Приборчик какой-то маленький поднял, пыль сдул и в лаборантскую. Выходит оттуда с физиком. Борис Николаевич этот прибор включил, покрутил там чего-то.

— Силен ты, Ляшин! Такой звуковичок прекрасный, да еще в полном порядке. И как я его прозевал.

Меня с кульком увидел.

— Ага, говорит, — отыскался след Тарасов. Ну харчитесь, умельцы.

Всех и рассмотрел, пока пирожки уминали.

Двое ребят из девятых оказались, я их не знал раньше, а из параллельного седьмого Капустин Пашка. И когда они успели?

Я в лаборантскую пошел, хотел посмотреть, как Борис Николаевич точить будет. А у станка-то Ваньчик! Губу отставил, ручки крутит.

— Видал, — говорит. — У нас тут что надо команда.

Вот так. У них с Ляшиным команда, а я теперь и ни при чем вроде. Борис Николаевич подошел, я у него спрашиваю:

— Опять конденсаторы по коробкам раскладывать?

А он два маленьких динамика достает.

— У нас, — говорит, — гражданин Иваницкий в диск-жокеи метит. Будешь ему стереотелефоны делать. Годится?

Работка, между прочим, ничего себе. Пока лишнюю бумагу из динамиков вырезал, вся спина мокрая стала. Вазелином, что осталось, смазываю, ну, чтобы диффузор эластичный был, а сзади дышат. Я обернулся — Ваньчик стоит и всеми своими веснушками улыбается. И так мне легко стало, как будто мама вдруг вернулась.

— Ну чего тут у вас? — говорю. — Токарь-пекарь.

Ваньчик говорит:

— Смотри, какой еж получился.

А точно — еж. Это Пашка Капустин с девятиклассниками уже почти весь глобус лампочками утыкали. То есть лампочки-то Пашка приделывал, а ребята паяли.

Я еще хотел посмотреть, только Борис Никола-

евич объявил перерыв и стал на окнах шторы опускать.

Такое тут началось! Они с Ваньчиком заранее, наверное, договорились. Ваньчик в темноте на столе скачет, руками машет, а за ним лампа вспыхивает ярко-ярко. Ну прямо как ускоренная съемка или немое кино. Здорово!

— Ну как, ребята, стоит такую штуку в зале поставить?

Ваньчик со стола слез.

— Что надо, Борис Николаевич.

Физик ко мне обернулся.

— Ты, Кухтин, тот ящик выдвини, будь добр. Дернул я его двумя руками — тяжеленный.

— Борис Николаевич, это у вас что?

А он железки из ящика на стол выложил.

— Эй, мальчишки, кто тут грамотный?

Мы перед столом пихаемся, а никто сказать не может. Потом Рогов из девятого взял этот треугольник, муфточку на нем повинтил, хоп — одна сторона открылась.

— Карабин, Борис Николаевич?

— Молодец, точно. Альпинистский карабин, а это крючья. Скальные, ледовые...

— Так вы альпинист?

Борис Николаевич крючья свои в ящик сгреб.

— Был.

Стоит, крутит свой карабин на пальце и улыбается, как будто слушает что-то приятное, и мы улыбаемся, за компанию. Потом кто-то говорит:

— А теперь?

— Теперь иногда встречаемся с друзьями и вспоминаем, как все было. Это тоже здорово, когда есть что вспомнить.

Тут он совсем разулыбался, а я спрашиваю:

— И что путешествия ваши? Кончились?

— Горы? Не в них дело. Я тут с вами после уроков сижу и никаких гор теперь мне не нужно.

Просто удивительно, сколько в этой комнатухе просидеть можно. Борис Николаевич говорит:

— Вы, мальчишки, что, хотите, чтобы ваши родители на меня министру пожаловались? А ну, марш!

Мы уходим, а он еще сидит там, возится со своим карабином.

Утром выхожу на остановку — здравствуйте, пожалуйста! Базылева собственной персоной.

— Привет соседям.

Ленка стоит, челку свою на палец наматывает.

— Ты, Витька, со мной что, не можешь серьезно разговаривать.

Смотрю, а у нее глаза на мокром месте. Просто растерялся.

— Брось, — говорю, — ну чего ты?

Она челку накручивать перестала.

— Витька, слушай, у Юры маму ночью на «скорой помощи» увезли, а он ничего не знает, не было его дома, не ночевал. Ты ведь знаешь, где его техникум. Предупредить же надо.

Сказал я, уехала Ленка.

Я сидел за партой и думал, что Ленке влетит, конечно, по первое число — взяла и в школу не пошла. И как это странно — Ленка простых замечаний как огня боится, а тут прогул. И ведь даже ничего сказать не попросила. Ну что зубы болят, или там голова. Забыла она про все на свете, что ли?

После уроков я спустился в вестибюль, вдруг Ленка там. Малыши из продленки возились в гардеробе. Я подождал немного и пошел.

Что-то у них случилось. «Скорую» так просто не вызовут. Что-то случилось у них. Наверно, Юра не ночевал дома, мама нервничала. Нельзя сердечникам нервничать, совсем волноваться нельзя. Если бы Юра пришел домой, все было бы нормально. И тут я вдруг подумал, что, если он из-за меня не пришел домой? Он надеялся на меня, а я ушел, не помогал больше, я даже разговаривать с ним тогда не стал.

Я набирал номер, бил по рычагу, снова набирал... О чем можно говорить так долго? Ведь могут же позвонить из больницы, да мало ли что. А может, у них трубка плохо положена?

А может, это я сам боюсь идти к Юре? Боюсь, потому что виноват и торчу в этой будке.

В этот раз я долго ждал, пока мне откроют. Я подумал, что, наверное, Юра и видеть-то никого не хочет.

Мы стояли в прихожей, и я не знал, что делать. Юра молчал и смотрел на меня. Я сказал:

— Здравствуй.

Он медленно взял мою руку и стиснул ее крепко, стиснул и подержал.

В комнате я его спрашиваю:

— Мама как?

Он так выругался, я ошалел. Я от Юры ничего такого и не слышал.

— Извини, — говорит, — у меня с отцом... Ну, как тогда в гараже. При матери он меня, понимаешь, при матери! Я из дома убежал, ну и не знал про нее ничего. А ее ночью...

— Ты что, всю ночь по городу ходил?

— Да нет, есть у меня одно место. В общем, у Хола я ночевал. Некуда мне от него, видишь?

Мы сидели рядом и оба ждали чего-то, как будто что-то сказать надо было. Юра вдруг улыбнулся.

— Слушай, Витек, я же и у Пигузова был. Ну после тебя тогда сразу поехал. Думал, шум будет и вообще... Нет, деньги за кассету отдал, еще, говорит, неси. Целый список дал, чего ему надо. Испугался, что я к Холу пойду.

Я говорю:

— Ты, Юра, не беспокойся... Я же понимаю, что мы не просто так. Я, если хочешь, к этому Пигузову еще поеду и коробки возить буду. Ты не думай.

Юра говорит:

— Вот из этого списка бы ему чего достать... Сразу бы как миленький отстегнул.

А список ничего себе, на целую страницу. Я названия на всякий случай переписывать начал. Юра говорит:

— Брось, пустой номер. У твоих парней ни у кого такого нет.

А я все равно списал, у нас ребят с музыкой в школе полно.

Точно Юра сказал, я с этим списком ко всем знакомым во дворе подходил — ничего. В школу принес, в нашем классе тоже любители есть, читаю ребятам список на перемене, вдруг у меня листок кто-то сзади — хватать! Оборачиваюсь — елки-палки, Гудилин! Вот подарочек-то. И главное, любители мои все куда-то делись.

Гудок в мой блокнот посмотрел.

— Это, — говорит, — ты чего? Записи собираешь? Ты бы еще в детском саду искал. Тоже поп-фанов нашел. Я бы такие записи сам взял.

Блокнот мне отдал. Я в классе сел, перечитывать его начал. Сижу читаю. Слышу, Базылева рядом устраивается.

— Ты, Кухтин, что, стихи сочиняешь, да?

Ну надо же такое придумать — стихи!

А она ближе придвинулась.

— Не-ет, ты, Витька, стихи не сочиняешь. Это я не знаю, что такое.

В общем так Ленка пристала, что все я ей рассказал. То есть не совсем все, а что можно. Она спрашивает:

— Ты, Витька, не врешь, что это Юре надо? За челку себя подергала. И говорит:

— Ну понимаешь, дед у меня есть, он уже сто лет пластинки собирает. Может, вам к нему с Юриком, а?

— А если, — говорю, — он нас к коллекции своей и не подпустит?

— Подпустит. Еще как. Таких, как он, больше нету. Я его знаешь как зову? Единственный дед — вот! Я тебе адрес дам. Вы с Юрой сами придете, а я уже у него буду. Чтобы предупредить. Ладно?

Никогда бы не подумал, что у нас в городе такие переулочки есть. Дорога из булыжников и тихо-тихо. Не хотят шоферы по камням трястись.

Сначала я решил, он нас рассматривает, только глазка-то в двери и не было. Он там шевелился; чем-то брякал и молчал. Юра сказал:

— Здравствуйте.

За дверью еще чаще брякать стали.

— Ну конечно, конечно, здравствуйте! Только ради бога не машите руками, когда войдете, и вообще стойте смирно. Я вот сейчас с крючком разберусь.

Ну, думаю, точно чудо какое-нибудь.

Самый обычный старичок оказался. Худой только очень, очки толстые, как две лупы. У него в этих очках глаза как будто от лица отдельно. Он говорит:

— Все в порядке, как договаривались. В кухне подождите, притащу сейчас.

Двигает что-то в комнате, топает. Юра из кухни в прихожую высунулся.

— Извините, — говорит, — может, мы...

— Ничего подобного, — отвечает из комнаты, — все в порядке. Просто у меня коридор узкий.

И выходит. Я такого не видел еще. Здоровенный граммофон, труба блестящая. Он его на стол поставил.

— Ну вот. Только вы, дети, трубу на голову не надевайте, а то прошлый раз ваш Петунков с лестницы свалился.

Меня смех разобрал, а Юра с табуретки вскакивает.

— Какой Петунков? Что мы, ненормальные, что ли, вашу трубу на голову надевать? Вам Лена что, ничего не сказала?

— Как какой? Вы что, не из драмкружка? А я-то думал... Ну простите, ребята. Вчера из ДПШ, понимаете, звонили, им для спектакля опять граммофон нужен. «У вас, — говорят, — реквизит уникальный». Вот и перепутал. Ну ничего, разобрались. Только Лена мне про вас не говорила. Вчера позвонила, приду, говорит. И все.

И тут дверь загремела. Мы еще, в чем дело, не поняли, а в кухню Ленка влетела.

— Здравствуй, — говорит, — мой единственный дед! Сейчас я тебе про них все расскажу.

А он чайник перед ней на стол ставит.

— Сейчас они мне сами рассказывать будут, а отдельные опоздавшие заварят чай. Раздевайтесь, ребята, в комнату пойдем.

В прихожей говорит:

— Боком идите.

А там иначе и нельзя. Стеллажи в два ряда, а на стеллажах я сначала думал книги, потом он верхний свет зажег — нет, смотрю, коробки какие-то. Он меня сзади под локоток поддерживает.

— Ох, братцы, поосторожней. У меня тут кое-что на честном слове держится.

Так в комнату боком и забрались. И там коробки кругом. Он нас на середину вытолкнул.

— Ну, добрый вечер, да? Степан Трофимович. А вас?

Два стула из-за стола выдернул.

— Прошу.

Мы уселись, а он над нами, как подъемный кран.

— С чем чай пить будем?

Юра говорит:

— Так мы вроде...

— Стало быть, с вареньем.

И в коридор протиснулся. Я спрашиваю:

— Что это за коробки такие?

— Ладно тебе с коробками, ты смотри, что там в углу.

А в углу еще старинный проигрыватель. Стоит темный полированный, ну прямо как из магазина, только этого рупора граммофонного нет. На боку медными буквами написано: «Идиллия». Юра по сторонам посмотрел.

— Честное слово, понял! Это же у него пластинки в коробках, вот что. Коллекционер он. У него «Идиллия» — для старых пластинок.

Я к этим полкам с пластинками подошел, на одной коробке читаю:

— А. В. Степанов.

1. Холера.

2. 25 рублей.

Ничего себе пластиночка! А Степан Трофимович из кухни еле слышно кричит:

— Юра, Витя, чай готов!

А в кухне везде журналы лежат. Я их сразу не заметил. Старые журналы, с ятями еще. Я один открыл наугад, а там заголовочек, хоть в «Крокодил» посылай — «Новый вид музыкальной кровати». Только Юре хотел показать, Степан Трофимович говорит:

— Я вас, братцы, без музыки не отпущу. От меня без музыки не уходят. Верно, Елена? Ты тоже садись, чашки потом перемоешь.

Аппаратура в самой дальней комнате оказалась. Выбрал он на стеллаже коробку, подержал одну пластинку, оглянулся на нас и взял другую, поставил. Заиграл проигрыватель. Тихо, тихо.

Она как будто всегда была, эта музыка. Где-то во мне была, и я ее сразу узнал, хоть не слышал никогда. Там было как будто что-то еще, кроме того, что мы слышали, что-то главное, только что?.. А музыка все дальше, дальше... И вдруг ее совсем не стало слышно. И мы трое одни в пустой комнате.

Степан Трофимович убрал пластинку.

— Мне тут один говорит, пластинки надо продавать — деньги, мол, вам на усилитель будут. «Вы, — говорит, — будете иметь прекрасную частотную характеристику». Чудак, ей-богу. Можно подумать, что музыка получается из частотной характеристики... Музыка — она из сердца. Ну, что, еще слушать будем?

Мы говорим: — Еще, еще!

Час, наверное, слушали. Юра Степану Трофимовичу говорит:

— Здорово! А у нас-то такого почти и нет ничего. Точно, Витек?

— Конечно, — отвечаю, — ездись, ездись, а толку никакого.

— Мальчишки, — Степан Трофимович со стулом к Юре придвинулся. — Мальчишки, да это же замечательно просто! Вы, конечно, уже музыку собираете? Это прекрасно, прекрасно!

Я чувствую, что он как-то все по-своему понимает, только объяснить хотел, Юра говорит:

— Мы пока кассеты коллекционируем, Степан Трофимович. Ездим, ищем. И, конечно, нас интересует старая музыка.

Прощаясь, он Юрин телефон взял.

— Будет что-нибудь — позвоню. Или барышня моя передаст, если, понятно, в настроении будет.

Ленка фыркнула и на кухню умчалась.

На улице я спрашиваю:

— Ты чего? Какие мы коллекционеры?

— Ну видел же ты, Витек, само собой вышло. Зато он нас теперь как бы своими считает.

Из автобуса вышли, прощаемся. Юра вдруг улыбнулся.

— Частотная характеристика. Сердце... Нет, это тебе не Пигузов.

С Ваньчиком мы виделись теперь только в школе. Сначала он еще звал меня к Борису Николаевичу, но потом перестал и даже на переменах убегал в лаборантскую один.

Меня теперь обычно после уроков уже ждал Юра. Мы отвозили коробки к инвалиду, забирали у него отремонтированное, и домой я приходил только чуть раньше отца. Странное дело, всю аппаратуру мы отвозили к Пигузову. Ленечка больше не скандалил, да и мы уходили сразу, только Юра иногда задерживался, наверно, Хола дожидался.

Однажды нам пришлось ждать Пигузова, и когда я пришел домой, папа ужинал.

— Привет, — говорю.

Посмотрел он на меня, посмотрел.

— Ужинай. Потом говорить будем.

Мы посуду вместе мыли. Он тарелки убрал, руки сполоснул.

— Давай, Витя, рассказывай.

Я уж думал, он не заговорит.

— А чего рассказывать-то? Сам ведь знаешь, контрольная через неделю, сегодня отметок не было.

— Ты с Лешей, что, поссорился? Какой-то он грустный был.

— Никто с ним не ссорился. С ним захочешь не поссоришься. Это он на меня наклепал? Заходил к нам, что ли?

— Ох, Витька, никто на тебя не клепал. Говорю же, грустный человек был. Я его спросил, как дела, он мне про всякую цветомузыку чуть не полчаса толковал, думал, не остановится. Только про тебя заговорил, сразу скис парень. «Витя что, — спрашиваю, — с вами не работает?» — Молчит. — «А где ж он тогда?» — Молчит. Знаешь, Витька, времени у меня сейчас нет, а чувствую я, что путаешься ты где-то, занимаешься какой-то ерундой, и молчать тебе нет никакого смысла. Накрутим мы тут с тобой. Что матери скажем, когда вернется?

— Что у меня, личных дел не может быть?

— Может, Витька, может. Только знаешь, из личных дел получаются замечательные семейные неприятности. Можешь поверить.

И пошел из кухни. И я пошел, уроки делать.

Два часа прошло. Я катер крутил, была там у меня одна идея. Папа тихо вошел и стоит за спиной. Потом на чурбаке уселся.

— Слушай, Витя, а чего к нам Юра не заходит?

У меня все идеи из головы выскочили. Чего это он про Юру заговорил? Видел он нас или просто так вспомнил?

— Занят, — говорю, — вроде. Наверное, занят.

— Да вы видите или нет?

Я плечами пожал.

— Станный он парень, тебе не показалось?

Я люблю, чтобы папа у меня в комнате сидел, а тут еле дождался, пока уйдет. Все время молчать не будешь, а врать неохота. Мы друг другу не врем. А про Юру я понял. Это из-за того разговора про бедных и богатых. Всего-то ничего сказали, а он запомнил. Я бы, может, ему даже про Юриных родителей рассказал, папа бы все понял, но про Пигузова нельзя было говорить. Я мог сто раз повторять себе, для чего мы все это делаем. Стоит мне сказать «все» и не будет никаких Пигузовых, и можно будет опять говорить про себя все, как есть. Но не мог я себе представить, как папа входит к Ленечке или как Пигузов на него слюной брызгает. Не мог я этого и все.

Дождя не было уже два дня, и слышно было, как за школой всю лупят по мячу. На большой перемене я хотел позвать Ваньчика на улицу, но он исчез из класса. Я побежал к кабинету физики, там вечно кто-нибудь крутился из команды Бориса, он и кабинет не запирает.

В коридоре у кабинета я налетел на Ваньчика.

— Ага, — сказал Ваньчик, — только ты, Витюха, подожди. Борис просил проектор в учительскую притащить.

Сначала я подумал, что Ваньчик в лаборантской какой-то прибор грохнул.

— Витька! — заорал он оттуда, — Витька!

Мишка Ляшин протискивался к выходу из лаборантской. Ваньчик намертво вцепился в его сумку, сопел и прижимал Ляшина к стене.

— Вот, поганка! — он затолкал Мишку в угол, вырвал у него сумку. — Не, Витька, ты смотри, какая поганка!

Он раскрыл ляшинскую сумку. Тот самый маленький генератор — звуковичок высовывался из-под Мишкиных тетрадей.

— Я захожу, а он тащит. С ним как с человеком, а он? Ну как Гудок какой-нибудь.

— Ладно, хватит!

Физик стоял в дверях.

— Чья сумка?

Он вытащил генератор, отдал сумку Ляшину.

— Все, — сказал он Мишке, — иди.

— Борис Николаевич, Борис Николаевич! —

Мишка стоял красный, растрепанный.

— Все, я сказал. — Борис взял проектор. — Тебя, Леша, только за смертью посылать.

Окончание следует

КРЫНИЧКА

Валентин ЛУКША

Весной в лесную чашу
Иду я каждый год:
Там родничок журчащий
Под соснами живет.

Щебечет, словно птичка,
Мой шустрый землячок:
По-нашему — крыничка,
По-русски — родничок.

Уже туман в низинки
Спустился с бугорка.
Ведут меня тропинки
На голос родника.

Уютная полянка,
Черемуховый цвет.
Землянка-партизанка
Еще военных лет.

Вот так же утром рано
Сюда, в туман седой,
Герои-партизаны
Шагали за водой.

И впрямь была живою
Вода для партизан:
Ведь сколько после боя
Она обмыла ран!

Журчит, поет крыничка
Под пологом сосны —
Веселая сестричка
Героев той войны.

Перевел с белорусского
В. СУСЛОВ

МОЙ ДЕД

Вадим ДРОБИЗ

Давно окончилась война,
Победе много лет,
В огне была моя страна,
На фронте был мой дед.

С тех пор у деда седина,
Он в мае каждый год,
Надев на китель ордена,
С друзьями встречи ждет.

Мы с ним идем — рука в руке —
К погибшим фронтовым
Друзьям, что спят в Днепре-реке,
Кто пал за Красный Крым!

И мы у Вечного огня
В молчании стоим.
За мир, зеленая земля,
Скажи спасибо им.

ПОД ОБЛАКАМИ

Михаил НАЙДИЧ

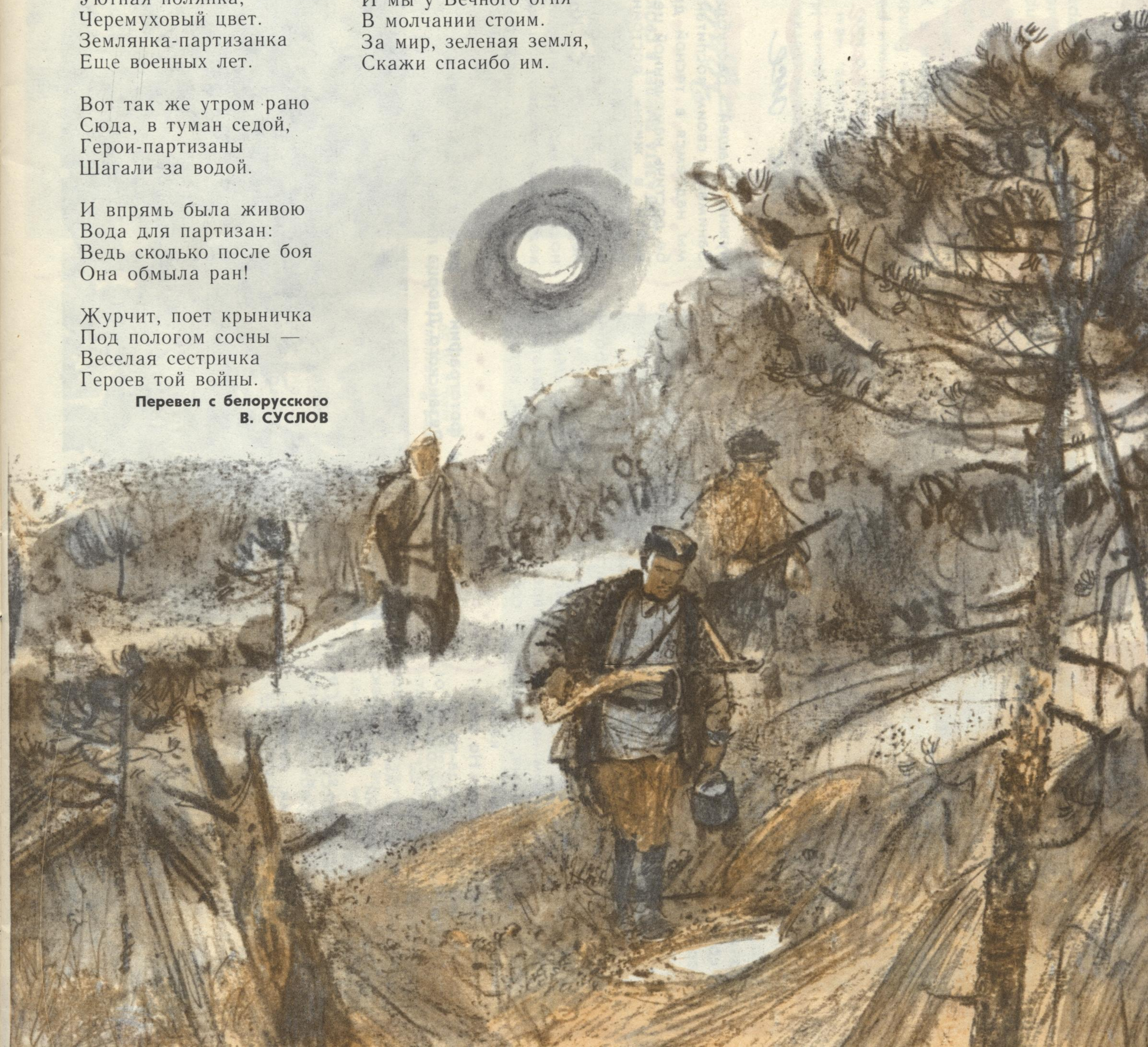
У памятников — гордая осанка,
орлиный взгляд и развороты плеч,
и кто б ты ни был, летчик, партизанка,
иной ли кто —

здесь не об этом речь:
любому, кто стоит под облаками,
до боли хочется

(легко понять!)
отбросить эту бронзу или камень, —
прийти домой
и жесткими руками
разрезать хлеб,

обнять седую мать...

Рисунок А. Лямина

БАРАБАНЫ

ЖУРНАЛ
ЮНКОРОВ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
СТИХИ,
РИСУНКИ

Революционный держим шаг!

По примеру юнкорских отрядов Пятигорска и Томска в составлении этого выпуска «Барабана» приняли участие юнкоры Рязани. Им слово.

Дом свободы

Раньше про этот дом никто ничего не знал. Обычный, двухэтажный, каменный, каких много в нашей Рязани. Но оказалось, что здесь когда-то собирались первые комсомольцы, и назывался он — «Дом свободы». Об этом мы узнали из воспоминаний ветеранов комсомола.

И мы решили восстановить этот дом. Старшие ребята вместе со строителями занимались основным ремонтом дома. А младшие им помогли: расчищали завалы, подносили доски и кирпичи, убирали мусор.

Скоро «Дом свободы» будет совсем отремонтирован. В нем откроется музей истории комсомольской организации Рязани и области.

Гая Минаева

Мы думаем так же

Мы с ребятами не раз бывали в музее пионерской организации Рязани и области, который открыт во Дворце пионеров. Там на стене среди разных экспонатов есть экземпляр газеты «Рабочий клич» за 1923 год. Вот что в этой газете написано: «Мы все время старались воспитать из себя таких граждан, которые

нужны нашей республике... Занимаясь своим воспитанием, мы надеемся в тесной дружбе достичь намеченной цели и выйти в жизнь достойными гражданами Советской республики». Это писал один из первых пионеров С. Крысанов. Столько лет прошло, а ведь и мы думаем так же.

Ксения Дубовикова,
школа № 14

Авторы фотографий — ребята из фотокружка Рязанского Дворца пионеров

У кого как шефы

На занятии городского пионерского штаба мы заговорили о том, какие у кого в школе шефы. И вот что выяснилось. Над 15-й школой шефствовал мясокомбинат. Эти шефы вообще ни разу в школе не появились. Тогда ребята решили сами пойти на мясокомбинат. Приходят и говорят: «Здравствуйте, вы наши шефы». А те удивляются: знать не знали. Но стали все-таки приходить в школу.

Школе очень нужна шефская помощь. Вот, например, у меня друг в 63-й учится, там шефы — завод электронных приборов. Так у них и кабинет программирования, и дискотека — все отлично оборудовано.

И в нашей школе ЭВМ есть. Спасибо шефам — заводу «Рязсельмаш».

Сергея Цыганов,
школа № 9

»Трудный» Саша

Есть у нас такой мальчик Саша Полетаев. Считался трудным, состоял на учете в детской комнате милиции. А ребята в классе к нему тянулись. Он заводила и по натуре не злой, а даже добрый, хотя и хулиганистый.

И вот однажды пришла мне в голову мысль — выбрать Сашу председателем совета отряда. Я предложила эту идею ребятам. Они удивились, конечно, но согласились. И Саша согласился — сначала не от

сердца, а тоже от удивления. Скоро все изменилось. Саша стал заметно лучше учиться, оказался хорошим организатором. Он всегда знает, кому какое дать поручение.

С учета в милиции его давно сняли. И еще — очень изменилась мама Саши. Раньше она приходила в школу и все из-за Саши плакала. А теперь я вижу на ее лице улыбку.

Наташа Чекалина,
школа № 59

ПОДРУЖКИ И МЯГКИЕ ИГРУШКИ

СТЕНГАЗЕТА ВЫЙДЕТ В СРОК

Здравствуй, друг!

Мы помогаем детям, живущим в детском доме. Им жить намного труднее, чем нам, и нельзя забывать о них.

Мы вместе с ними расчищаем сад от сучьев. Выпалываем крапиву. Помогаем в уборке. Стараемся, что можем, подавать. Девочки там даже без ленточек и заколок. Для этих ребят ничего не жалко.

Несколько раз мы привозили в детдом кукольные спектакли, готовили концерты. Мы

старались ничем не задеть их, чтобы им не вспомнилось тягостное. Пели только те песни, в которых не говорится о мамах и папах.

А сейчас мы взяли шефство еще над домом ребенка. Там живут совсем маленькие — до трех лет. Мы гуляем с ними, помогаем кормить. Уже связали для всех малышей теплые носочки.

Наташа Бровкина,
школа № 39

Полторы тысячи солдатских конвертов-треугольников вручили утром 9 мая ветеранам Великой Отечественной войны пионеры Кировского района Ставропольского края. В каждом письме — теплые поздравления землякам с Днем Победы.

В заповярном Певеке работает клуб юных авиаторов «Полет». Десятки мальчишек и девчонок начинают здесь путь к будущей профессии. Занятия с ребятами проводят опытные специалисты Чаунского авиапредприятия.

Каждое утро на территорию 4-й средней школы Новороссийска приезжает грузовой автомобиль. Привозит клей, бумагу, кафельную плитку. А увозит готовую продукцию школьного цеха — декоративные мозаичные блоки. Они используются для отделки наружных панелей жилых зданий.

Недавно в Цитау был день памяти Константина Федина. Наш клуб интернациональной дружбы принимал в нем участие. Дело в том, что Константин Федин после первой мировой войны жил три года в Цитау. Он работал в театре Герхарда Гауптмана.

Школа и улица в нашем городе названы именем Константина Федина. Мы собираем все сведения об этом замечательном писателе и интересном человеке. В нашем КИДе уже многие ребята свободно переводят с русского на немецкий. Скоро у нас пройдет праздник русского языка. Лучшие сочинения о вашей стране мы поместим в наш «Почтамт дружбы».

Члены клуба
интернациональной дружбы,
школа № 5,
Цитау, ГДР

ФОТО- КОНКУРС

ДУДОЧКА
Алеша Чаусов, Курск

МАТЬ ГЕРОЯ
Виталий Смолич, Несвиж

В шести километрах от Рошино, там, где дорога ведет к Нахимовской турбазе, есть развилка. Тут начинается подъем в гору. Поднявшись на гору, пройдите направо еще метров 200, и вы у братских могил. Их две. Почти полтысячи солдат и офицеров захоронены в них.

Каждый год 9 мая приходят сюда жители поселка Лебяжье, чтобы почтить память защитников этой земли, приезжают родственники погибших. Здесь похоронен Герой Советского Союза Владимир Васильевич Кораблин. Как было бы здорово, если бы здесь стоял памятник! А пока... здесь, в трехстах метрах от памятного места, лишь свалка. Ее устроили в вырытом для строительства дороги котловане. И не лежат на братских могилах свежие цветы. А во-

круг Рошино столько пионерских лагерей. Пионеры могли бы бывать здесь, и тогда советские воины, захороненные в братских могилах, не остались бы забытыми до следующего Дня Победы.

Алеша Чижов,
Ленинград

«Барабан» дает задание всем юнкорам, уезжающим в пионерские лагеря. Обязательно разведайте, есть ли рядом с вашим лагерем братские могилы, памятники,obelisks погибшим советским воинам. Проверьте, в каком состоянии они находятся. Организуйте заботу об этих памятных местах.

О том, что успели сделать, сообщайте в «Барабан». Ждем ваших писем.

Я думаю, что жаргон появляется от бескультуры, невежества. Настоящий, культурный человек никогда не позволит себе так выражаться. Это во-первых. Во-вторых, жаргон — это неверное представление о взрослости. Я считаю, что хорошие, серьезные дела — вот признак взрослости. И в-третьих, самим взрослым нужно лучше вести себя при детях. Ведь о какой куль-

туре и вежливости может идти речь, если некоторые учителя позволяют себе обзывать ребят, кричать на них: «заткнись», «заглохни»?!

Я хочу стать учительницей. И я твердо знаю — никогда не буду кричать на ребят. Поэтому что вижу, к какому результату это приводит.

Катя Байметова,
поселок Майский
Бурятской АССР

ЮНКОР ПРОДОЛЖАЕТ РАЗГОВОР

Лена Латай живет в Днепрпетровске. Ее юмористический рассказ называется:

ВОТ ЭТО ДА!

На большой перемене Петю Стручкова, физорга 5-б класса вызвал к себе учитель физкультуры. Он объявил ему, что завтра в школе «День бегуна» и от класса требуется один человек, который хорошо бегает короткие дистанции.

В класс Петя ворвался с криком:

— В нашу столовую морозное привезли! И очереди нет!

Класс рванул с места. Петя кратчайшим путем побежал к дверям школьной столовой,

где встал с секундомером в руке.

Рекордное время показала Ольга Котырова. Ее результат был 14,2 секунды!

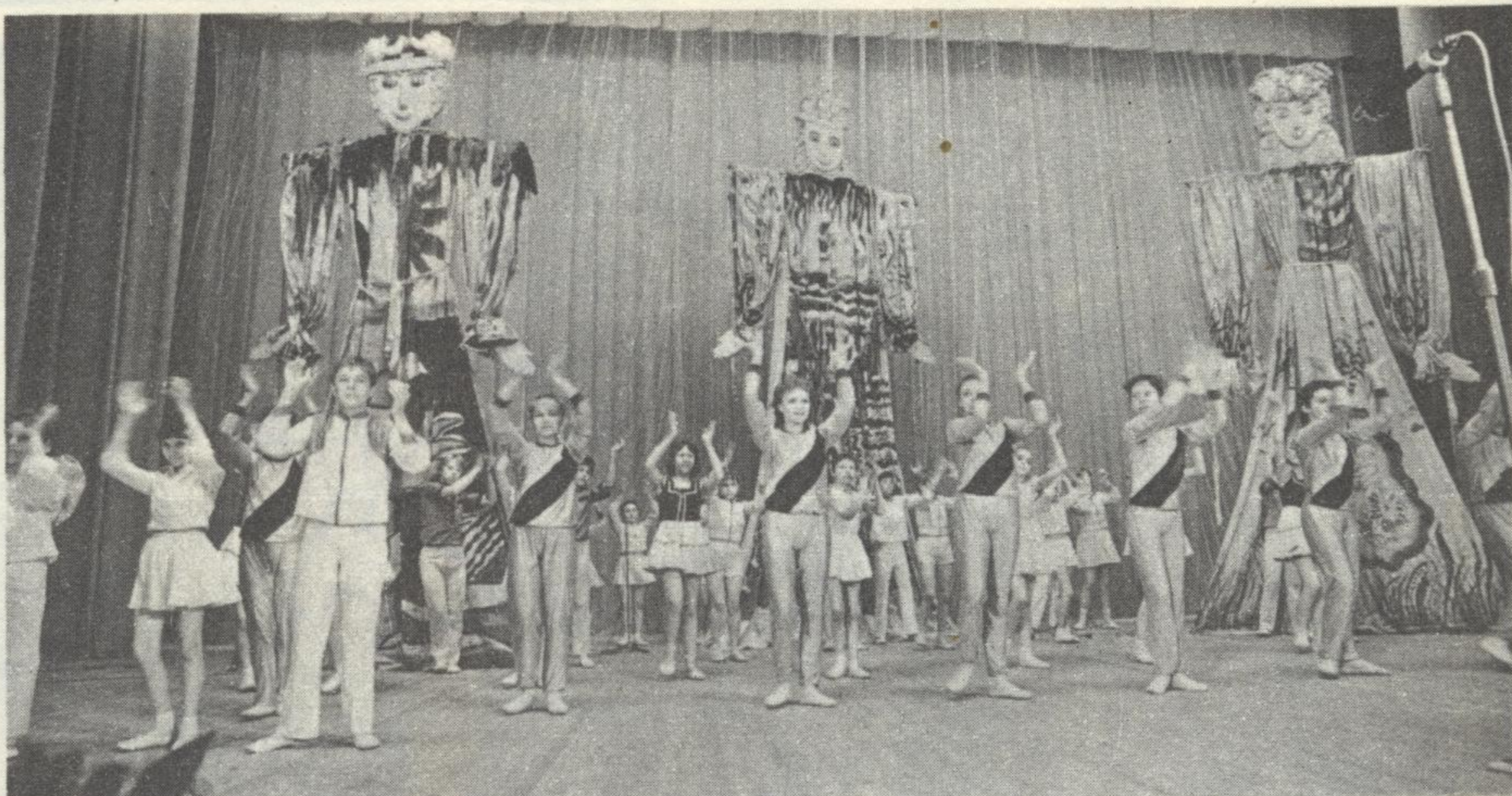
— Вот это да! — сказал Петя.

ВОСХОД

ГОРИ, „РАДУГА“!

Александр КРЕСТИНСКИЙ

В тот момент, когда раздался телефонный звонок, у меня было без края всякой неотложной работы. Дела выстроились в длинную очередь и нетерпеливо ждали, когда я за них возьмусь. И тут этот звонок: предложение — делать музыкальный спектакль. Тема: сказка Аркадия Гайдара «Мальчиш-Кибальчиш». Соавтор — композитор Станислав Важев.

Первая реакция — отказаться. Ведь столько дел!..

Я достал с полки «Военную тайну» Гайдара. Интересно перечитывать старые книги детства! Столько нового открываешь в них. Книга Гайдара оказалась на редкость музыкальной. Фразы, абзацы таили в себе особый поэтический ритм, скрытую мелодичность.

Прошло два-три дня, и я увлекся новой работой, временно отставив в сторону все прежнее. Эта работа подарила мне радость общения с необычным творческим коллективом — детским музыкальным театром «Радуга».

В «Военной тайне» Гайдар сурово и прямо сказал ребятам тридцатых годов о своем предчувствии будущей войны. Сказочный прием помог ему укрупнить сюжет, сделать его масштабы эпическими. Сказка предупреждала: да, война будет. Она будет безжалостной. Будет всенародной. В ней примут участие даже дети, потому что пойдет спор о самом существовании страны нашей, ее народа. Теперь-то мы знаем — все так и случилось, как предвещал Гайдар.

Начиная работу, я чувство-

вал: необходимо сохранить в песенном варианте былинную, легендарную основу сказки. Во всяком деле важно начало, оно дает запев всей работе. Я начал с «Детской скоморошьей». Эта песня — символ радости, мирного труда, счастливого детства. Чтобы написать «Скоморошьей», я обратился к Собранию русских народных загадок. Выбрал два образа, наиболее ярких: образ солнца и его «отражения» на земле — подсолнуха. В первой сцене дети-скоморохи пляшут и поют свои куплеты-загадки, поют с неподдельным весельем, самозабвенным азартом, в озорной переключке...

Золотое колесо,
колесо,
Закатилось за лесок,
за лесок.
Как поддел его лось —
Так и выкатилось...
Ух!

В игру врывается тревожная нота. Праздник обрывается. На землю напал враг...

Когда я впервые смотрел уже готовый спектакль, мне подумалось: а если бы эти песни пели взрослые актеры?.. Нет, сказал я себе, это невозможно. Спектакль потерял бы ту пронзительную драматическую ноту, которую несут в себе детские голоса; поющие о войне. Почему так? Да потому, что нет ничего более противоестественного, чем сочетание понятий «детство» и «война». Участие детей в войне — обстоятельство крайнее, исключительное и всегда —

трагическое. Оттого так напряженно и убедительно звучит в исполнении ребят из «Радуги» «Песня тревоги» — большая песенная баллада, при исполнении которой перед зрителями и слушателями проходит начало войны: скачет гонец, сообщая тревожные вести; уходят на битву отцы, тучи все сгущаются, приходит черед дедов и внуков...

Вышел из дому дед,
Сто без малого лет...
— Дайте саблю!
Слышит слово «беда»,
Да мешают года...
— Дайте саблю!
Руки-ноги болят,
Плачет старый солдат:
— Дайте саблю!..
И выходит Мальчиш,
Сам Мальчиш-Кибальчиш:
— Дайте саблю!
Дайте саблю!..

Никогда не забуду Сашу Коренникова в роли Мальчиша. До сих пор слышу звонкий, чистый, как бы рвущийся из четкого ритма песни Сашин голос: «Дай-те саб-лю! Дайте саб-лю!..» В нем звучала та безоглядная удаль, если хотите, удаль Пети Ростова, которая искони присуща нашему народу, обостряется в нем в самые крайние моменты истории, и вот так, неожиданно, открывает себя в детской игре, в песне...

Много пришлось мне искать и думать, когда я писал песню «Прощание с Домом». Мальчиши уходят на войну, на верную гибель. Они воины, но они и дети одновременно. Как же должна звучать их прощальная песнь?

Прощайте, прощайте,
Малина в лукошке,
Грибы на опушке,
Прощайте!
Чижи и синицы,
Стрижи и кукушки,
Прощайте, прощайте!
Прощайте, прощайте!
Пятнашки и прятки,
И теплый родительский дом!
Кидайте под лавку рогатки —
На взрослую битву идем!..

Когда мальчишки впервые запели эту песню, я увидел, что они приняли ее как свою, идущую от сердца. Они пели ее так, словно им и в самом деле предстояла суровая взрослая разлука. И зал поверил певцам.

Работая в «Радуге», я испытал великое счастье быть сотрудником театра, вносить свою долю в коллективную творческую работу. Я бы назвал это состояние радостью равенства. Каждый вносит свою лепту, каждый необходим — и автор, и композитор, и педагог, и режиссер, и все участники ансамбля — от самого маленького до самого старшего, от солиста до хориста!

Я не назвал еще одну важную часть «Радуги», без которой не могли бы успешно работать ни певцы, ни танцоры, ни музыканты — это родители. Да-да, мамы и папы, дедушки и бабушки — полноправные участники творческого процесса. Надо помочь в костюмерной — зовут родителей. Надуть гелием шары — опять родители. Сладить декорации — и тут без них не обойтись. А организация поездок, гастролей, встреч, огоньков...

Я видел, как они сидят в зале во время репетиций и на премьере — эти мамы и бабушки, как переживают за своих-своих и своих-чужих, как открывают для себя собственных детей: так вот они, оказывается, какие! И трудолюбивые, и талантливые, и уже большие, самостоятельные... Так возникает атмосфера взаимного уважения родителей и детей, как участников одной большой работы.

Да разве можно было бы сделать что-нибудь толковое, если бы не атмосфера взаимной заботы, дружбы, ласково-

го внимания старших к младшим.

...У Сережи Грачева умерла мама. Сереже было тогда четырнадцать. И вот дом хормейстера Марины Анатольевны Ланда стал Сережиным домом. Здесь Сережа был защищен, пригрет, здесь праздновали его день рождения, устраивали его в техникум, провожали в армию...

Меня поразило вот что: с кем бы из взрослых в «Радуге» я ни говорил — с художественным руководителем ансамбля Верой Владимировной Печатицкой, с режиссером Галиной Ивановной Дмитренко, с хореографом Татьяной Борисовной Лебедевой, с руководителем музыкальной группы Валерием Леонардовичем Бровкой — о каждом из участников ансамбля, бывших и нынешних, они знают буквально все и могут рассказывать о ребятах часами! А ведь в коллективе сотня ребят. Какое это счастье, подумал я, когда в детстве у тебя есть такие старшие друзья. Вырастешь — и самому захочется быть похожим на них...

Вообще у ансамбля много старших друзей. И прежде всего — это широко известный у нас в стране и за рубежом театр пантомимы «Лицедеи». Кстати, идея поставить спектакль «Мальчиш-Кибальчиш»

принадлежит как раз руководителю «Лицедеев», лауреату премии Ленинского комсомола, миму Вячеславу Полунину. Это он предложил: «Вы будете мальчишами, а мы буржуинами...»

Недавно «Радуга» закончила новую большую работу — антивоенный спектакль «Земля детей». Стихи для него писала Т. Калинина, музыку С. Баневич. Но и все участники ансамбля были соавторами этого спектакля. Он складывался в общих беседах, спорах. Все мнения, высказывания — независимо от возраста! — попадали в общий котел. Самое трудное было вот что: как сделать так, чтобы ребята, родившиеся через многие годы после войны, почувствовали, что это такое. Ведь только тогда в игре юных героев появляется убежденность и глубина. Помог случай. «Радуга» с «Поездом дружбы» поехала в ГДР. Там, в международном молодежном лагере под Дрезденом, познакомились с чилийскими детьми, родители которых погибли или пропали без вести после фашистского переворота в Чили. Наши ребята впервые в жизни увидели детей от туда. Детей, которые не знали, где их родители. Детей, на лицах которых лежала печать недетской печали.

КРЕЙСЕР ПОДНИМАЕТ КРАСНЫЙ ФЛАГ

28 июля 1906 года перепуганный эстляндский генерал-губернатор послал рапорт царю:

«Вашему императорскому величеству доношу, что 20 сего июля... команда на крейсере «Память Азова» взбунтовалась и убила 5 офицеров. Мною немедленно был вызван командир Ревельского порта контр-адмирал Вульф для выяснения способа обороны порта. При этом нами было решено не выдавать взбунтовавшимся ни угля, ни съестных припасов, ни воды, так как было известно, что они имели угля только на два дня, сухарей на три дня, немного капусты и больше никаких продуктов на борту не имелось. Все шлюпки и их экипаж, которые пристанут в порту или окрестностях Ревеля, арестовывать и выжидать событий; всем каким бы то ни было судам и шлюпкам выход из порта воспретить, дабы воспрепятствовать сообщению крейсера с местными революционными организациями...»

Для обороны порта со стороны Балтики были приведены в боевую готовность пехотные части, жандармерия.

Командиры минных крейсеров, миноносцев и миноносков, находившихся в бухте, испугались того, что восстав-

шие завладеют их судами, решили: вынудив у орудий ударники и приведя машины в негодность, высадить команды на берег, что и было исполнено, за исключением минного крейсера «Абрек», который выбросился на берег. Команда миноносца «Послушный», желая затопить судно, открыла кингстоны.

Морской министр сообщил, что на усмирение взбунтовавшегося крейсера уже посланы верные корабли. Он так перепугался, что послал целую эскадру: броненосцы «Слава», «Цесаревич», крейсер «Богатырь». Судам этим был дан приказ расстрелять и потопить восставший крейсер. Такой же приказ был дан фортам крепости Кронштадт.

Николай Второй хорошо знал знаменитый гвардейский крейсер «Память Азова», он был его шефом. Моряки крейсера сделали модель корабля и подарили царю. Николай II держал модель любимого крейсера у себя в кабинете и гордился ею.

Царь растерянно посмотрел на модель теперь уже бывшего любимого крейсера, взгляд его стал жестким и гневным. На донесении морского министра царь размахисто написал: «Одобряю данное вами приказание...»

Кто же были те смелые люди, которые подняли восстание?

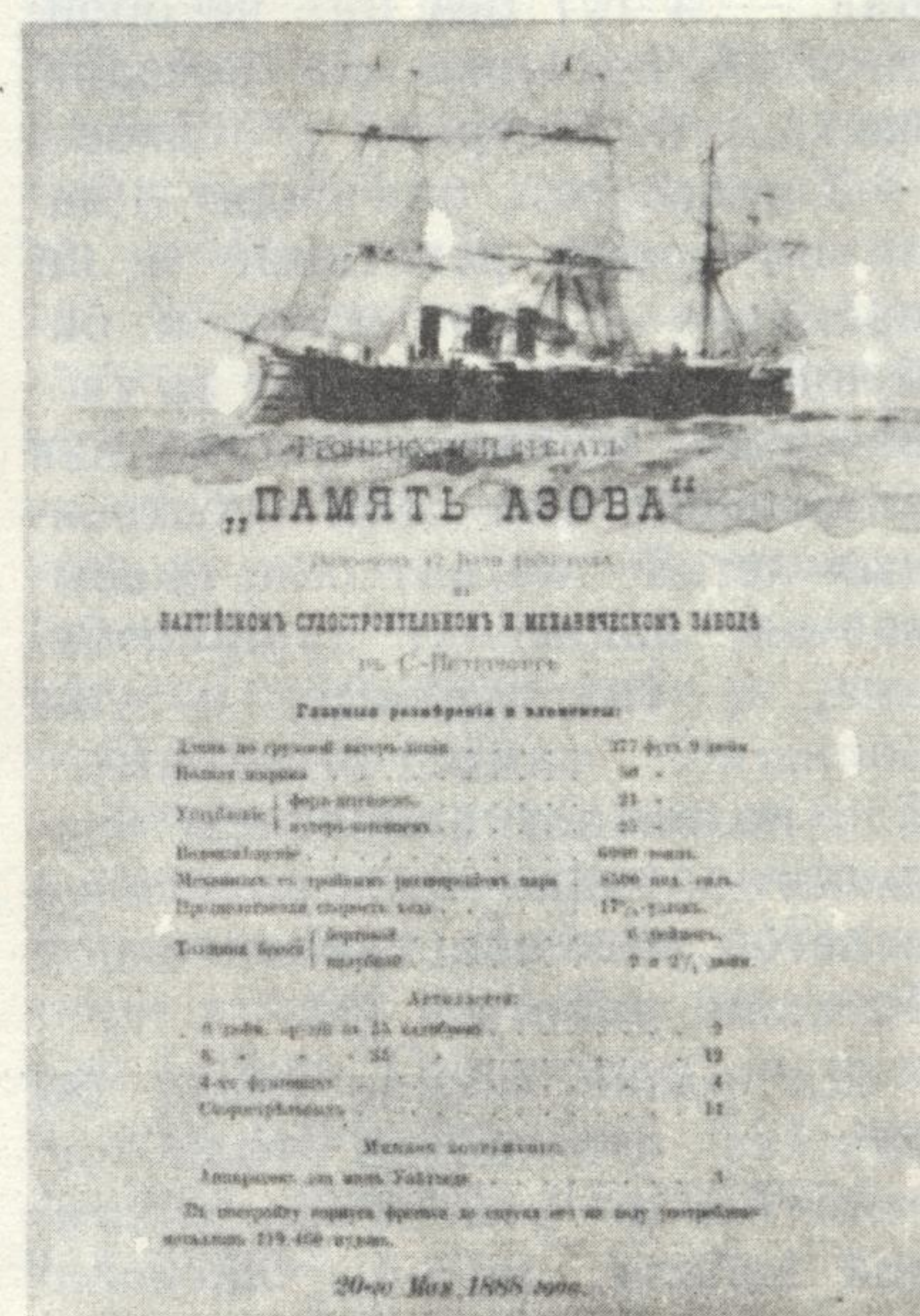
Летом 1906 года из Кронштадта вышел в учебный поход по Балтийскому морю отряд военных кораблей. 12 июля отряд пришел в Ревель и стал на рейде на якорях. В это время властям стало известно, что на флагманском крейсере «Память Азова» создан подпольный большевистский комитет, матросы читают нелегальную литературу, посещают запрещенные собрания и митинги.

Морской министр встревожился — как бы на Балтике не случилось то, что произошло на броненосце «Потемкин» на Черном море. Он немедленно прибыл на корабль, готовясь навести на нем порядок. Приняв рапорт командира, министр обратился к матросам, выстроенным вдоль бортов, с молодцеватой речью, которую закончил словами:

— Да здравствует батюшка-царь! Ура!

Молчание матросов было ему ответом. Лишь побледневшие офицеры выдавили из себя жалкое «Ура». Руки офицеров лежали на револьверах.

Теряя самообладание, министр подбежал к шеренге матросов и пытался с ними говорить. Но матросы молча

и зло смотрели на царского служаку.

Министр растерялся перед сотнями этих хмурых лиц. Ссутулясь поспешил к трапу и, не попрощавшись с командой, отбыл на берег.

Но надежды морского министра смирить экипаж не оправдались. Матросы продолжали тайные сходки, читали листовки и революционные прокламации. Артиллерийский квартирмейстер Нефед Лобадин, который руководил революционной работой на корабле, готовил экипаж к восстанию.

Нефед Лобадин был родом из пензенского села Большая Садовка. Земли тамошние — песок да суглинок, наделы крошечные, воробьиные. И пожалуй, одной из самых бедных в этом селе была семья Лукьяна Лобадины, в которой Нефед родился младшим, шестым ребенком.

На флотскую службу Нефед пошел с радостью, мечтая вырваться из темноты деревенской жизни. В 1902 году он попал новобранцем в кронштадтский флотский экипаж, в плавание пошел уже специалистом. Как ни тяжела была служба на царском флоте, он не унывал, искал правду, искал лучшую долю для всех, и так попал в один из кружков крон-

штадтской военной организации большевиков.

Тут он получил ответы на свои вопросы, тут узнал имя Ленина. Вскоре он создал на своем крейсере большевистскую организацию.

Вечером 19 июля к борту крейсера подошла шлюпка. На ней привезли продукты команде. Вахтенный офицер не заметил, как вместе с матросами, неся мешок с хлебом на спине, по трапу поднялся человек в матросской форме не из их экипажа. Попав на палубу, он быстро исчез в трюме.

Это был двадцатилетний большевик Арсений Коптюх. Он прибыл на крейсер, чтобы поднять восстание.

Случилось так, что этой же ночью, после заседания судового комитета в таранном отделении крейсера, Арсений был арестован. Матросы бросились на выручку Арсения. Стихийно начавшееся восстание возглавил председатель судового комитета большевик Нефед Лобадин. Матросы захватили ящик с патронами, выключили электричество на крейсере и атаковали офицеров. С рассветом крейсер был в руках восставших. Над кораблем взвился первый на

Балтийском море красный флаг революции.

Крейсер снялся с якоря и дал сигнал кораблям отряда следовать за ним. Однако командиры других кораблей к этому времени уже успели списать на берег «неблагонадежных» матросов. Ни один корабль не присоединился к восставшим.

Чтобы выяснить обстановку, крейсер пришел в Ревель. А там его уже ждали приведенные в боевую готовность войска. Не видя поддержки, повстанцы упали духом. Этим воспользовались оставшиеся на борту офицеры. Угрозами и обещаниями они привлекли на свою сторону унтер-офицеров и учеников-артиллеристов, которых на корабле было в два раза больше, чем матросов.

Во время ужина восставшие большевики были неожиданно атакованы. Произошла жестокая схватка. На помощь унтер-офицерам прибыли две роты пехоты и жандармерия. Сопротивляться стало бессмысленно.

В этом бою погиб и Нефед Лобадин. Рассказы участников схватки противоречат друг другу, есть три версии гибели Лобадины. Одни говорят, что он был тяжело ранен в начале боя и умер от этого, другие утверждают, что уже после схватки его закололи штыками унтер-офицеры, третьи считают, что когда его хотели арестовать, он застрелился.

После штурма Зимнего дворца в октябре 1917 года макет крейсера был найден на его чердаке. Сам же крейсер погиб от английской торпеды, когда страны Антанты стремились задушить молодую Советскую республику и их флот рвался по Балтике к Петрограду.

Сейчас макет крейсера «Память Азова», первого на Балтике корабля, поднявшего красный флаг, хранится в Ленинграде, в музее революции.

**А. ГОСТОМЫСЛОВ,
И. КАРУСЕВА,**
научный сотрудник музея
Великой Октябрьской
социалистической революции

«Костер» знакомит вас, ребята, со стихотворениями ленинградской пятиклассницы Тони Абдукаровой.

НОЧЬ

*Примеряет Луна
Желтый свой сарафан,
Тихо тянется
Звезд золотой караван.*

*Разгорится звезда,
Вспыхнет, как уголек,
Это звездный петух
Свой зажег гребешок.*

ВЕСНА

*Месяц ясный улыбкой точеной
Красовался в манящей дали.
Солнцем вышитый шлейф золоченый
Звезды тихо за ночью несли.*

*Тучку-скромницу ветер курчавый
На могучих плечах своих нес.
Показалась трава молодая,
Словно стриженный ежик волос.*

РАССВЕТ

*Утро нежною рукой
Разбудило небеса,
На траву легла волной
Серебристая роса.*

*И заплакала кукушка
На березовом суку,
Петухи в деревне дальней
Голосят: «Ку-ка-реку!»*

*Солнце вышло из-за леса:
«Эй, вставайте! Хватит спать!»
И лучами золотыми
Тронуло речную гладь.*

НИКОЛАЙ КУРИЛОВ

ПОВЕСТЬ

рисунки А. Борисенко

РЫБАЛКА

У нас в тундре — тысячи озер и рек. Рыбы в них полным-полно. В озерах водятся пелядь, щука, налим и главная рыба — чир. А в реках — сиг, нельма, щука, бывают хариус, щокур, ряпушка. Мы ловим их сетями. Рабочие рыбозавода из поселка, кроме сетей, еще и неводами тянут.

Летом рыбалка легкая, интересная. Немного даже похожа на развлечение. Рыбачат все: и взрослые и дети. Старшие ребята ловят удочками. Смотришь, одна за другой рыбины подсакивают на леске вверх, когда выдергивают удочку. Клеют всегда здорово.

Мы, младшие ребята, рыбачим по-другому. Найдем какой-нибудь ручеек, вытекающий из озера, подвернем брючины и начинаем лов: гоняемся за рыбой, хватаем руками и выбрасываем на берег. Нужны ловкость и быстрота, чтобы поймать в воде рыбину. Она увертливая, скользкая. Время от времени мы выскакиваем на берег, обуваемся и носимся по тундре, чтобы согреться. Вода даже в мелком ручейке холодная: близкая вечная мерзлота не дает солнцу прогреть ее.

Летняя рыбалка — наша игра, забава, но все же и работа. Мы, дети, помогаем добывать рыбу для всей бригады на целую зиму. Тундровикам требуется много рыбы. Зимой они сами питаются ею и кормят собак.

Взрослые отправляются рыбачить подальше от стойбища на ветке, легкой лодочке из лиственницы. Папа иногда берет меня на такую рыбалку. Это похоже на кочевку. Собираемся на несколько дней. Кладем в ветку рыболовные снасти: сеть с большими ячейками для крупной рыбы, с частыми — для рыбы помельче. Еще берем длинные тонкие жерди, легкую палатку на двоих, запас одежды и, конечно, ружье, спички, соль.

Запрягаем собак. Да-да, я не оговорился: запрягаем собак в лодку. Наши предки придумали так передвигаться. Собаки тащат лодку по мокрой земле, как по воде. Мы бежим рядом с ними.

Чуть что, помогаем собакам. То застрянет лодка в зарослях тальника, то зацепится за ерник, то провалится в яму. Вытаскиваем, бежим дальше.

Прибыли на озеро, распрягли собак, они отдыхают, а мы с папой отправляемся ставить сети. Спускаем лодку на воду, садимся в нее, медленно плывем, шупая жердями дно. Втыкаем в него жерди одну за другой, к ним привязываем сеть. Течение медленно расправляет ее в воде. В нескольких местах ставим сети. На другой день вытягиваем их. Без хорошего улова никогда не возвращаемся: папа знает рыбные места.

Иногда мы с ним пускаемся в рыболовно-разведочную кочевку: проверять, в каких озерах и реках особенно много рыбы, чтобы рыбачить там зимой. Тогда мы долго кочуем от озера к озеру. Мне нравятся такие наши «экспедиции», как говорит папа. Мы с ним попадаем на такие озера, где почти никогда не бывали люди. Там полно рыбы, и поэтому встречаются гнезда гагар: они питаются ею. Гнездовья мы огибаем стороной, чтобы не мешать птицам насиживать яйца.

Однажды, схоронясь в зарослях тальника, мы с папой наблюдали, как гагара охотилась на рыбу. Нырнула, догнала рыбину и тюк клювом. Клюв у нее острый, сильный, как копье, может даже пробить лодку из твердой лиственницы. Гагара иногда отбирает у рыбаков улов. В сеть заплывет, когда там уже есть чем поживиться. Наестся досыта рыбы, захочет вынырнуть, да сеть ее не отпустит. Гагара начнет метаться, выход искать — сеть запутает, изорвет.

С этой птицей всегда держи ухо востро: того и гляди, урон нанесет, злобная птица. Однако, самец до того хорош собой, загляденье — за его красоту все прощаешь ему. Спина у него от шеи до хвоста разрисована такими яркими, веселыми красками, что залюбуешься, на душе у тебя станет радостно. А он взлетит в небо и оттуда как захохочет. Да-да, птица и вдруг по-человечьи заливается: «Ха-ха-ха!» Вот тут-то уже станет нам, наоборот, невесело: этот смех гагары предвещает недоброе. Мы-то знаем. Или ни с того, ни с сего гагара расплачется. То смех, то рыдания. По ее настроению мы узнаем, какая будет погода. Допустим, сидит она на воде и кричит: «Уа-уа-а-а!» Как будто младенец плачет. Значит, дождь будет, мелкий-мелкий, как слезы ребенка.

Но вот гагара взлетела высоко и быстро несется, совсем как небольшой самолет. Летит и сверху кричит: «Ха-ха-ха!» Значит, жди опять дождя да к тому же сильного. Если гагара, хохочет, летит высоко с севера на юг, значит, скоро настанут большие холода. Она от них удирает туда, где тепло. А мы остаемся, потому что любим свою тундру и не рвемся в другие места, пусть даже жаркие. У птиц свои законы, у нас свои.

РАДИО

Самолет доставил нам груз — мешки, коробки и ящики.

Первым открыли бумажный мешок с почтой,

достали газеты за несколько дней и письма. Папа прочел письма вслух. Одно было от сестренки Кати из Ленинграда, другое из поселка от бабушки Ланхи (писала под диктовку бабушкина внука). Все в порядке у них, живы-здоровы. Газеты папа отложил в сторону, чтобы прочитать потом.

Раскупорили большущий ящик. Там оказались мотонарты. «Буран» называются. Ну и ну! Вот здорово! Сперва пастухи удивились: зачем в ящике? Ведь тяжелее.

— Зато сохраннее при перевозке, — догадались потом.

Мама обрадовалась:

— Доски от ящика пойдут в печь. Хорошее топливо.

Пастухи сразу же принялись за «Буран». Теперь их не оторвать от него. Так рады, так рады! На дежурство больше не будут ходить пешком, станут ездить на мотонартах. Не терпится им поскорей разобраться в устройстве «Бурана».

Юра раскрыл второй ящик, немного меньше первого. Рация! Современная, в небольшой коробочке. Юра вытянул через дымовое отверстие наружу провод-антенну. Один конец прикрепил к длинной жерди, воткнутой в снег. Другой подключил к рации. Вложил в ее «карманчик» несколько круглых батареек. Поднес ко рту микрофон, щелкнул кнопкой и стал звать:

— Чайка! Чайка! Я — Стерх. Как слышите? Прием.

Потом снова нажал кнопку — микрофон загудел, засвистел и оттуда вдруг сказали:

— Я — Чайка. Слышу хорошо. Как долетел?

— Нормально. Прием закончен, — ответил Юра важно и щелчком погасил зеленый глазок. — «Чайка» — это мой дружок, — повернулся он к нам с Мишей. — Мы вчера разлетелись по бригадам: я сюда, он в свою бригаду.

От Юры мы узнали, что по рации он будет получать прогноз погоды из поселка. О пурге нас будут извещать заранее. Рация не даст пастухам заблудиться. Один аппарат, маленький, портативный, будет в стаде. Если заболит кто-нибудь, пастухи дадут знать по радио — Юра свяжется с поселком, и оттуда прилетит к больному врач, на самолете или вертолете. А когда у нас кончатся какие-нибудь продукты, скажем, сахар, Юра попросит прислать.

Мы с Мишей глядели на Юру с восторгом. Я решил, что после школы обязательно пойду учиться в СПТУ. Хочу стать пастухом-радиомехаником. В последний раз я мечтал учиться на ветеринара, как Мишина мама. Но теперь перерешил. Для мужчины больше подходит не лечить оленей, а пасти их, как папа. Только у меня еще будет техника: мотонарты, рация, кинопередвижка.

ВЕСЕННИЙ КОРАЛЬ

С самого утра мы с Мишей сидим около рации.

— Я — Стерх! Я — Стерх! — говорит в микрофон Юра. — Как слышите?

— Я — Сосна. Слышу хорошо. Примите прогноз.

— Я — Пастух! Я — Пастух!

Все утро голоса из тундры летят в мамин нимэ. Самая главная новость: кораль начнется завтра. Вот здорово! Его проведут в нашем стойбище. Пригонят сюда еще два стада. Две бригады с оленями уже в пути. Приедет много пастухов и с ними ребята, наши товарищи: Оттох, Илья, Петя, Зина...

Да, вспомнил, я обещал вам объяснить, что такое кораль. Его проводят дважды в год: весной и осенью. Для того, чтобы подвести итоги за прошедший сезон и подготовиться к следующему. Так говорят пастухи.

Завтра, во время весеннего коралья, подсчитают, сколько оленей в трех стадах уцелело за зиму. Отделят самок, важенок от самцов: бычков и хоров. Важенкам скоро телиться. Важно, чтобы в это время им было хорошо. Тогда нормально появятся на свет их детеныши, новые олени, выживут, будут быстро расти.

Слушаем рацию. Узнаем, что к нам летят артисты. Дадут концерт. На том же самолете летит магазин. Будет торговля. Любопытно, что привезут?

Все эти новости принесла рация. А раньше они прибыли бы к нам лишь вместе с бригадами, артистами и продавцом: на самолете и на упряжках.

В ожидании самолета мы с Мишей сгораем от нетерпения. То и дело выставляем ухо: не слышен ли гул мотора?

Наконец, летит, летит... Летит!

Все выбежали встречать.

Самолет приземлился. Кто артист, кто продавец, не поймешь: все одинаково укутаны в меха.

Разгружаем самолет. Пьем чай. Угощаем гостей. Не успели выйти из-за стола, как новые гости нагрянули: два аргиша, две бригады. И их встречаем, угощаем. Теснотища в нимэ, но здорово!

Потом одни пастухи отправились пригонять из тундры свои стада. Другие вместе с женщинами стали ставить свои нимэ рядом с маминим. Мы все помогали им, таскали вещи. Разбили и палатку-магазин, внесли туда ящики, мешки, коробки. Торговля откроется после коралья.

А пока все пастухи, кроме ушедших в стадо, начали строить загон для оленей. Тоже «кораль» называется. По кругу вбили в снег шесты. К ним прикрепили брезентовые полотнища. Получился огромный круглый забор. В одном месте этой изгороди оставлен вход, в другом — выход.

Только к вечеру закончили работу.

Утром начался кораль.

У входа в загон встал один пастух. Он должен следить, чтобы олени не выскочили оттуда раньше времени. У выхода два других пастуха готовились считать оленей. Внутри коралья несколько пастухов с маутами ждут оленей.

Бригадир дает сигнал — мы начинаем загонять в кораль первое стадо. Все загоняем: пастухи, дети, артисты. Машем на оленей, кричим, направляем их к входу.

Загнали — около двух тысяч оленей.

Там пастухи начинают ловить маутами оленей.

самцов. Подтаскивают каждого к выходу и выпускают. Друг за другом цепочкой выскакивают бычки и хоры из коралей. Их тут считают. Внутри остаются одни важенки. Тогда и их выпускают, тоже пересчитывают. И отгоняют в такие места, где много сопков: нет ветра, на солнце тепло. Там важенки будут телиться.

Итак, стадо «обсчитано», как у нас говорят. Пастухи принимаются за второе. Дальше за третье.

Стало ясно, сколько оленей выжило за зиму. Это называется: «Подведены итоги зимовки». К тому же важенки отделены от самцов, или «отбиты», как говорят пастухи. Бригада подготовилась получать пополнение стада. «Обсчет» и «отбивка» — вот что такое весенний кораль.

Пройдет какое-то время и вдалеке, среди сопков, у важенек начнут появляться оленята. «Тугуты» называются. Маленькие, смешные, слабенькие. Сначала олениха хорошенько оближет детеныша и тут же отойдет от него подальше. Тугут полежит на снегу, полежит, продрогнет, проголодается, захочет к маме. А та в стороне ест ягель, на него поглядывает. Зовет олененок свою маму, но она ноль внимания.

Приходится тугуту самому идти к ней. Однако, надо еще подняться на ноги. Начинает пробовать. Пытается поднять голову — очень тяжелая. Может, задняя часть легче? Кое-как приподымается на задние ножки — дрожат от усилий. Мать подбадривает детеныша хорьканьем. Голова у него опущена, зад кверху задран. Так стоять неудобно. Передними ногами тугут пытается нащупать ямку или бугорок. Влажные копытца скользят. Бух! — мордочкой в снег. Выглядывает оттуда испуганно, плачет, зовет маму. Тут уж она спешит к малышу: он в беде. Ласково лижет его, что-то по-своему приговаривает. И опять отходит кормиться.

Олененок начинает все сначала. Попытку за попыткой делает. В конце концов, все же встает на ноги новый житель земли.

Вот тугут стоит на дрожащих ножках, тонких, как травинки. Шатается из стороны в сторону. Сделает шаг — падает. Подымется с трудом. Шаг — падает. Но все ближе он, ближе к матери. Немного осталось, а она отходит от него. Не подумайте, что это плохая мать — хорошая. Она знает, что только так ее детеныш научится ходить и бегать.

Наконец, олененок, пошатываясь, добирается до матери и, уткнувшись ей в живот, начинает пить вкусное молоко. Важенка в это время тоже кормится, передвигаясь, правда, медленно. Олененок сосет молоко и идет вместе с матерью.

Я долго, наверное, рассказывал. Но на все обучение уходит каких-нибудь полчаса. А за лето олененок становится оленем.

В сентябре или в октябре (зависит от того, когда похолодает) проводится в тундре осенний кораль. Так же строится загон. Также ведется обсчет и отбивка, но уже другая. Отбивают тех, кто пойдет на забой, от тех, кого оставят на зиму для дальнейшего приплода: в основном важенки и немного быков. Опять из одного получают два

стада. Их отдельно перегоняют подальше от Ледовитого океана. Там одному стаду будет легче переносить суровую зиму. А другое стадо отведут на забойные пункты.

Осенний кораль — итог работы оленеводов за год. Так они говорят.

Но... я забежал вперед. До осени еще далеко. Сейчас лишь начало весны. Мы провели весенний кораль.

На следующий день — праздник.

ПРАЗДНИК

После завтрака артисты стали готовиться к концерту в маминимэ. И мы все пошли к магазину-палатке. Торговля продолжалась недолго, потому что народу не как в поселке. Да и время не тратится на то, чтобы выбирать товар. Его заказывают заранее: пишут заявки.

— Третьяков Гасик Гаврилович! — выкрикивает продавщица. — С вас двести рублей.

Гасик продвигается к прилавку, отсчитывает деньги и получает мешок с заказанными покупками. Отходит в сторонку, разбирает их. Все разглядывают вместе с ним каждую вещь, хвалят, радуются.

— Ефимов Николай Николаевич! — вызывает продавщица следующего покупателя.

Чего только не привез летающий магазин по заявкам оленеводов! Разные ткани для кухлянок. Шерстяные тренировочные костюмы. Белье. Бисер, нитки. Магнитофоны, ленты для них. Батарейки к транзисторным приемникам. «Спидола» есть у каждого пастуха.

Мне папа купил джинсы, голубой свитер, альбом для рисования, много-много красок в тюбиках. Хочу попробовать нарисовать Полярное сияние, может, получится.

Последний мешок с товарами по заявке получил дядя Егор.

И тут начался концерт.

Артисты в красивых костюмах танцуют то поодиночке, то все вместе. Вот под звуки бубна они притоптывают, подпрыгивают, бегают, взмахивают руками. Я узнаю: похоже на стаю чаек.

Потом два танцора стали изображать, как пастух приручает молодого оленя. Мы все подсказываем артисту-олeneводу, когда тянуть веревку, когда ослаблять. Даже забыли, что это танец, а не на самом деле обучают оленя.

Зато музыкант заставил нас замолчать. Он приставил к губам крохотный треугольник из блестящих металлических проволок. «Хомус» называется: якутский музыкальный инструмент. И появились сильные звуки. Они разносились далеко по тундре, дрожали, вспыхивали, растекались широко, как наши реки.

А когда после музыканта из-за шторы выкатились два малыша в кухлянках и малахаях, мы, зрители, стали «болеть» кто за кого. У нас и взрослые, и дети любят бороться, меряться силами. Сейчас мы кричим: «Давай! Давай!» «Под ножку его!» «Эх!» Маленькие борцы сваливают друг друга, то один, то другой одолевает.

Наконец, побежденный лежит на лопатках. Мы хлопаем победителю: «Ура!» И вдруг он летит вверх, падает вниз — вместо двух малышей встает во весь рост большой мужчина. Мы так и ахнули! Да это он один, сам с собой боролся, согнувшись пополам. До пояса одет был в кухлянку одного «малыша» (на руки нацепил плеки), ниже пояса — в кухлянку другого. Ловко обхитрил нас артист! Мы еще громче захлопали ему.

Но следующий артист переплюнул и этого. Такое показывал! Мы только рты раскрыли. Взмахнул руками — пустые. Взмахнул снова — голуби вылетели из ладоней. Еще взмахнул — откуда-то из воздуха подхватил яркие капроновые платочки — тянутся, тянутся уголок за уголок. Фокусник такой же волшебник, как химики. Из воздуха, невидимого газа, из ничего получили синтетику.

Долго продолжался концерт. Артисты танцевали, пели песни на нескольких языках: по-русски, по-юкагирски, по-эвенски. Если песня была знакомой, мы тоже подхватывали ее. Во время танцев нам было трудно усидеть на месте. И когда кончился концерт, никому не хотелось расходиться.

Мы встали в круг, взяли друг друга под локти и начали раскачиваться все сразу — пастух дядя Илья запевал, мы вторили ему, но не забывали раскачиваться, притоптывать в такт, двигаясь по кругу. Как будто вся земля закружилась вместе с нами. В моих глазах в самом деле все закачалось, завертелось. Чтобы не упасть, я вышел из круга. Закрыв глаза. Когда открыл, увидел, как красив хоровод со стороны! У всех одежда украшена бисером и аппликацией. Но самой нарядной была моя мама в праздничном магиле. Успела его расшить. И малахай и рукавицы у мамы были в бисерных узорах. Просто снежная красавица!

Один артист, глядя на хоровод, воскликнул: — Словно Северное сияние сошло на землю! — и вступил в круг.

Остальные артисты тоже не удержались. И я вернулся в хоровод, придя в себя.

Мы бы, наверное, долго еще кружились в танце и пели. Но пришлось прерваться, потому что организаторы подготовили все для игры. «Литэмэч» называется.

В глубокий снег врыт высокий шест. К верхушке его привязан длинный канат. На нижнем конце каната закреплен колышек. Кто хочет играть в литэмэч, выстроились вокруг шеста на некотором расстоянии.

Вот первый подкинул привязанный колышек — тот завертелся вокруг шеста. Остальные стараются набросить на летящий по кругу колышек свой маут, как будто хотят поймать за рога бегущего оленя. Гости из поселка и артисты тоже кидают маут, но никак не могут поймать колышек. Мы, дети, чаще попадаем. Все-таки, оленеводы!

На этот раз, как ни странно, победительницей в литэмэч оказалась бабушка Лимхадэ.

После обеда начались оленьи гонки.

Почти все пастухи вышли на старт. Остальные превратились в болельщиков. Участники гонок

одеты в кухлянки разных цветов: синие, красные, зеленые... Чтобы можно было их различать вдалеке. Мой папа был в белой кухлянке с красной каймой понизу. Оленей тоже принарядили: на рога привязали разноцветные ленточки, на постромках красуются узоры из цветных лоскутков.

Все волнуются: и участники, и олени, и болельщики. Папа снимает и надевает рукавицы без надобности. Значит, тоже волнуется.

— Внимание! Приготовиться! — раздается из мегафона.

Все смолкли. Участники замерли на нартах, натянули вожжи.

— Раз! Два! Три! Пошел! — раздалась команда.

Упряжки дернулись с места. Но олени в азарте, стремясь вперед, зацепились рогами друг за друга, лямки разных упряжек перепутались, некоторые нарты опрокинулись. На старте часто бывает такая неразбериха. Мы, дети, кричим, свистим, прыгаем, хлопаем в ладоши: подгоняем оленей.

— Ха-ха! Твой отец застрял! — смеется Оттох над Мишей.

Тот сердится, толкает его в бок, кричит своему отцу:

— Давай! Давай! — подпрыгивает от нетерпенья.

У моего папы левый олень сперва потянул не в ту сторону, однако, вовремя одумался, сообразил, видно, куда надо бежать, и папина упряжка помчалась за остальными. Сначала нельзя было понять, где остальные, кто за кем едет, потому что из-под оленьих копыт летел такой густой снежный дым, как будто началась пурга. Упряжки удалялись, за ними тянулся снежный хвост. Вот и скрылся за сопками.

Мы, болельщики, чтобы скоротать время, начали соревноваться: кто в борьбе, кто в перетягивании каната, кто в прыжках в длину, кто в беге, кто в стрельбе из лука.

Вдруг кто-то крикнул:

— Едут! Едут!

Все бросились к полотнищу с надписью: «Финиш». Здесь гонщиков ждали призы. Они привязаны были на верхушках высоких шестов. Внизу на снегу лежали обручи из тальника.

Наконец, показался первый гонщик. Мы свистим, кричим:

— Давай! Давай! Жми!

Он подлетел на упряжке к финишу. Ему теперь надо подцепить ногой обруч, лежащий под шестом. Но он промахнулся. Эх, первым примчался — приза не получит.

— Мазила...

Друг за другом несутся упряжки к финишу. Пока никому не удастся поддеть на ногу обруч. Правду сказать, это трудно. Скорость большая. Недаром, как только выпадет снег, пастухи в свободное время тренируют для гонок специальные упряжки оленей и сами учатся ловить ногой обруч.

Мой папа что-то не появляется. Мне хочется, чтобы победил он. А Миша болеет за своего папу. Тот, хотя и физик в нашей школе, но тоже участвует в гонках: прилетел к нам из поселка вместе

с артистами, как самодеятельный певец. На оленях он ездит хорошо, потому что вырос в тундре.

Однако, победил не он и, к сожалению, не мой папа, а молодой пастух Ваня. Он успел на лету подхватить ногой обруч и кинуть его правой рукой на шест с призами, в левой держа вожжи.

— Попал!

— Ура!

— Молодец!

Все в восторге от его ловкости.

Кричим и мы с Мишей, забыв, что наши папы проиграли:

— Ура!

Оленьими гонками заканчивается большой веселый праздник после весеннего коралья. Его устраивают в честь тугутов.

Так встречают в тундре новых оленей.

В ШКОЛУ

Быстро пролетела неделя весенних каникул. Папа опять везет меня на собачьей упряжке, но в обратный путь: из дома в школу. Сейчас на упряжке, а вот после летних каникул на ней не поедешь: к первому сентября снега еще нет. Но мы не ждем, пока он выпадет, никогда не опаздываем в школу, даже раньше всех прилетаем. В прямом смысле прилетаем. За нами отправляют самолет или вертолет, в каждое стойбище, где есть хотя бы один школьник. Летающая машина садится на воду. У нее вместо колес или лыж лодочки-поплавки. Постепенно соберет она всех ребят по тундре и привозит в поселок к началу учебного года.

Те ребята, которые кочуют с родителями по берегам Алазеи, приезжают в школу на моторных лодках. Река очень извилистая — путь по ней долгий. А некоторые ученики добираются до поселка верхом на оленях, целым аргишем едут. Они всегда хвастают, что проезжали через такие места, которых и во сне не увидишь. Зато мы говорим, что пролетали над ними и видели, как они, сонные, качались на оленях.

Ехать верхом утомительно. Я однажды так возвращался в школу. Все время надо быть на чеку, чтобы не упасть, особенно если задремлешь. На всякий случай держишь в руке длинную тальниковую палку. Начнешь заваливаться, она тебя выручит, обопрешься о нее. Иной раз и свалишься. Тогда весь аргиш должен останавливаться из-за тебя. Стыдно. Взрослый кто-то помогает тебе снова вскарабкаться на оленя. И опять едем дальше. Топ-топ, топ-топ. Глаза сами слипаются. Но мигом проснешься, если грибы покажутся на пути. Стоят солдатики в разноцветных касочках. Большие, выше ерника. Представляете, гриб выше дерева! У вас такого не бывает. Да? Но нам радости от этих большущих грибов очень мало: одни огорчения. Собирать их нельзя. Не время. Ведь в школу едем, а не по грибы отправи-

лись. Еще беда: грибы притягивают к себе не только нас, но и оленей. Это их любимое лакомство. С трудом удерживаешь и оленя и себя, чтобы не свернуть к грибам.

Новое испытание наступает для нас с ним, когда рядом увидим ягоды морошки. Совсем близко, много-много, так и просятся в рот, даже запах чувствуешь. Однако, спуститься с оленя нельзя: аргиш идет.

Но вот остановка: чай будем пить. Тут уж мы, дети, разбегаемся врассыпную, кто куда за морошкой. Наедемся досыта да еще и в полиэтиленовый мешочек соберем. Если его не прихватишь с собой, тогда соберешь морошку в малахай или в рукавицу. Потом долго не скучаешь в дороге, покачиваясь на олене: у тебя полный малахай ягоды! Кидаешь по штучке в рот. Вкусно!

Сейчас мы с папой едем на собачьей упряжке. Это быстрее, чем верхом на олене.

Поднимаемся на сопку — внизу показался поселок. Среди домов я без труда нахожу школу: самый большой и светлый дом. Из окон всегда идет свет. Возле школы всегда много людей, больших и маленьких. Даже больше, чем около Дворца культуры: тот закрылся толстыми шторами, а школа не прячет того, что там происходит, — все видно с улицы. Наверное, поэтому не только детей, но и взрослых тянет заглянуть туда.

Мы с папой все ближе подъезжаем к поселку. Я уже вижу окна первого класса. Вспоминаю, как трудно было начинать учиться. В тундре я был таким свободным!

«Той! Той!» — останавливает папа собак.

Здравствуй, школа! До свидания, тундра!

Я оглядываюсь назад и думаю: придет время, я вернусь в тундру насовсем, когда кончу школу. И еще, может, где-нибудь поучусь: в СПТУ или в институте, как сестренка Катя. Она скоро вернется к нам из Ленинграда, будет работать библиотекарем. Станет кочевать по тундре в «красном нимэ», пастухам привозить книги, журналы, газеты. А если стадо далеко откочует, она доставит все это к ним на самолете.

Может, я стану геологом, как дядя Саша, и найду много полезных ископаемых под вечной мерзлотой тундры. Эти ископаемые будут приносить пользу всей нашей огромной стране.

Может, летчиком буду. Всю-всю тундру, до последнего тальника, узнаю. Стану привозить тундровикам гостей и гостинцы, киноленты, врачей, продавцов, артистов.

Или ветеринаром буду, как тетя Даша.

Или художником. Может, удастся нарисовать Полярное сияние.

Но сейчас мне больше всего хочется навсегда вернуться в тундру пастухом-радистом-киномехаником, как Юра.

Перевела с юкагирского
И. БУРКОВА

**ТВОЙ СТАРШИЙ БРАТ.
КОМСОМОЛ**

СТАНЬ МАСТЕРОМ!

Семь лет назад, закончив с отличием Горьковский индустриально-педагогический техникум, Люба Муравьева приехала по распределению в Ленинград и стала работать мастером в профессионально-техническом училище.

Архитектуру называют порой застывшей музыкой. И верно — если оглядеть ленинградские набережные, встав, допустим, на стрелке Васильевско-

го острова, то услышишь, как в тебе рождается величественная мелодия,— так пре-

красны Адмиралтейство и Зимний, распластавшиеся над свинцовой водой мосты.

Можно ли стать соавтором великих архитекторов прошлого? Таких, как Растрелли, Баженов или Жан-Батист Валлен-Деламот? «Невозможно!» — скажете вы. Не совсем так. Можно стать мастером реставрации фасадов уникальных зданий, если вы учитесь в Ленинградском профессионально-техническом училище № 52.

Работа реставратора требует безупречного владения всеми секретами своей профессии и больших знаний. Вот почему так требовательна к своим ученикам Любовь Викторовна Муравьева.

Гори, «Радуга»!

Начало см. на стр. 16

Замечательно оформили спектакль «Земля детей» художницы Римма Юношева и Марина Азизян. Это они придумали, сделали и раскрасили пять гигантских двуликих кукол, которые висят над сценой, создавая живописный фон спектакля. Я сказал — двуликих. Да, эти куклы поворачиваются к зрителю то одним своим ликом — радостным, то другим — печальным, в за-

висимости от того, что происходит на сцене.

Предвижу, как читатель, живущий в каком-нибудь маленьком поселке, далеко от Ленинграда и Москвы, прочтет то, что я написал, посмотрит на фотографии и вздохнет про себя: «Хорошо им там, в столицах...» Ну что ж, о технических возможностях спорить не буду. Но таланты у нас везде есть. И убежден, ребята, почти в каждой школе может и должен быть свой маленький театр, или ансамбль, или живая газета... Нужен только руководитель, организатор. Присмотритесь внимательно к

своим учителям, вообще ко взрослым, живущим рядом. Наверняка среди них есть люди, способные возглавить дело. А уговорить их, вдохновить — это уж ваша забота.

Что же касается ленинградской «Радуги», то на таких, как она, коллективах лежит большая ответственность — они звучат на всю страну, в буквальном смысле звучат — по радио, по телевидению. Они подают пример, определяют меру вкуса, показывают уровень, к которому надо стремиться. Поэтому, наверно, ленинградский комсомол и назвал «Радугу» своим лауреатом.

Оформление Т. Панкевич
СИРЕНЬ

ЧЕРЕМУХА

ЯБЛОНЯ

КАШТАН

Май — пора цветения, молодой зелени, веселого птичьего гомона. Говорят в народе: май леса наряжает — лето в гости ожидает.

В еловом бору голубеет цветок — перелеска, на прогалине то тут, то там розовые, голубые да синие цветки медуницы. Зеленеют жимолость, бузина и лиственница. Майская примета: береза вперед ольхи лист выпустила — лето будет жаркое...

Над озером со свистом режут воздух стрижи. Лес звенит от птичьих голосов.

Май — пора веселых забот: и у птиц, и у зверей лесных появляются малыши.

МНЕ ХОЧЕТСЯ В ЛЕС

Мне хочется в лес,
Но не бегать, не прыгать,
А все, что в лесу
Увидеть, услышать.

Мне в царство лесное
Откроются двери,
Узнаю, что делают
Птицы и звери.

Мне хочется
Листья ногой загребать
И лес своим другом
Хочу я назвать.

Помельникова Наташа,
4 класс,
Ленинград

ИЗ ДНЕВНИКА ЮННАТА

ЛЕСНОЙ КОНЕК

Шли мы по тропе, вышли к речушке. Вдруг перед нами вспорхнула птица и заковыляла как подраненная. А потом взлетела на дерево. Мы поняли: она уводила нас от гнезда. И действительно, под кустом черники — ее гнездо из сухих травинки и шесть яиц, красновато-коричневых с крапом. Это было гнездо лесного конька — певчей птицы. В лесу пели зяблики, пеночки, но песенки лесного конька мы не слышали. На гнезде сидела самочка, а где же самец? Мы стали наблюдать. Сначала издали, потом свое укрытие перенесли ближе. Наблюдения записывали в дневник. Уже пять дней, как мы следили за гнездом. Но тут разразилась сильная гроза с зарницами, с ливнем. Некоторые гнезда, за которыми вели

наблюдения наши ребята, погибли: гнездо зуйки смыло в воду, зяблики покинули свое гнездо. Утром я с тревогой шла к гнезду лесного конька. Смотрю — а там уже два птенца. Видно, они вылупились вечером или ранним утром. Птенцы были без оперения, совсем голые, только на розовых спинках и на головках легкие полоски пушка. Они были слепые, беспомощные и даже не пищали. На следующий день появились еще двое птенцов. На второй день птенцы уже стали реагировать на звуки, на свет...

Птенцов мать строго охраняла. А отец так и не появился. Видно, погиб.

Аня Штыркова,
юннат
Ленинградского Дворца
пионеров им. А. А. Жданова

ЛАНДЫШ МАЙСКИЙ

Это растение давно посадила моя бабушка. В то время ландыша было много и запрета на его сборку не было. Бабушка выкопала ландыш с его ползучим корневищем и пересадила под тень яблони. Ландыш любит тень деревьев, растет на опушках, в оврагах. С тех пор прошло пять лет и мало стало ландышу яблоневого тени. Я пересадил его под другое дерево. Зацветает ландыш в мае белыми колокольчиками, его цветки — словно игрушечные. А потом появляются красно-оран-

жевые ягоды, они созревают только в августе. И цветки и листья ландыша используют для лечения сердечных заболеваний. В лесах все меньше остается ландыша, потому что люди собирали его для букетов, вырывали растения с корневищем, вот и стал ландыш редким растением. Я советую всем юннатам охранять ландыш, пока он не исчез совсем.

Фролов Дима,
Стерлитамак, Башкирская АССР

НАША ПОЧТА

Здравствуйте, «Зеленые страницы!» Я получила от вас семена бархатцев, а как их выращивать, я не знаю. Расскажите, пожалуйста.

Лесик Зоя,
Клин

Дорогая Зоя! О том, как выращивать бархатцы, рассказывает юннат Зайдуллина Ира. Это ее любимые цветы.

БАРХАТЦЫ — ЛЮБИМЫЕ ЦВЕТЫ

Это растение можно выращивать и рассадой, можно семена посадить прямо в землю. Лишь бы было светло. Бархатцы так любят свет, что если сажать их в темное место, то они вырастут слабыми. Любят они также и воду. Без полива у них никнут листья. Запах бархатцев похож на запах полыни, зато он отпугивает вредных насекомых, и поэтому бархатцы хорошо сажать среди плодового сада. Но красивы эти цветы и на клумбах. Цветки золотисто-желтые, бывают и коричнево-красные. Это мои любимые цветы.

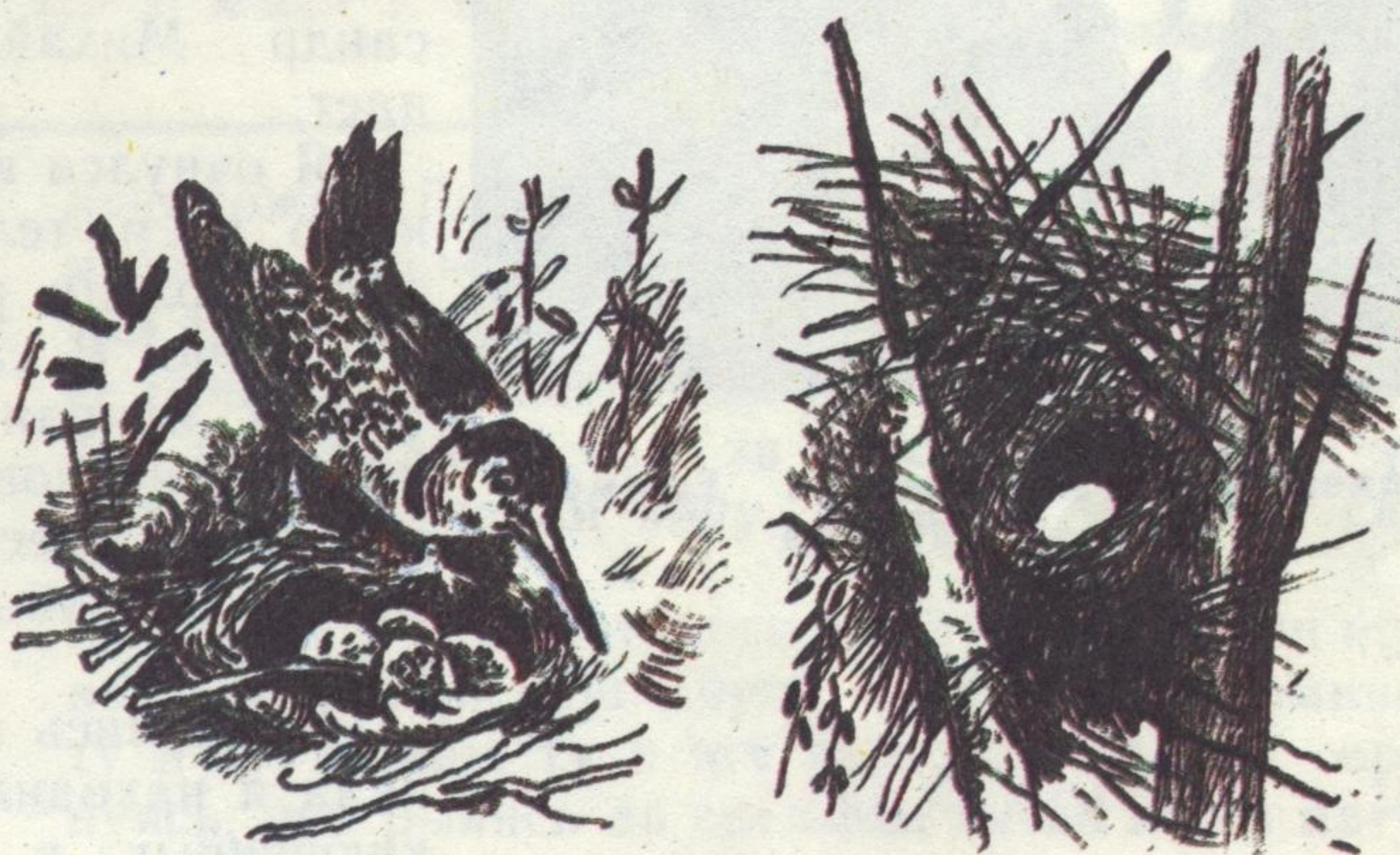
У них есть еще название — тагетес. Сажая бархатцы весной в начале мая. Всегда собираю семена. Они созревают в октябре. Если опоздали весной с посадкой или семена не созрели в саду до заморозков, то можно посадить их в горшки и они будут цвести дома. Я несколько раз так делала.

Загадочная картинка

Кто здесь устроился?

ПТИЧЬИ ХИТРОСТИ

ГНЕЗДО ВЕКАСА. ГНЕЗДО СОРОКИ

ГНЕЗДО КУЛИЧКА-ГАЛСТУЧНИКА ГНЕЗДО СОЛОВЬЯ

Многие певчие птицы устраивают свои гнезда на земле. Густые кустарники, высокая жгучая крапива скрывает гнездо соловья. Мало построить гнездо, его еще надо замаскировать от врагов. Для этого зяблик покрывает стенки гнезда лишайниками, под цвет деревьев, щегол маскирует свое жилище берестой. А сорока строит еще и несколько ложных гнезд. Так же делает и крапивник, окружая свое шарообразное гнездо ложными.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

Александр Михайлович Ефимов,
фото 1941 года

ЕГО СЧИТАЛИ ПОГИБШИМ

Совсем недавно узнал Александр Михайлович Ефимов, что есть в ленинградской 419-й школе музей 50-й отдельной стрелковой морской бригады, воевавшей на Ораниенбаумском плацдарме. Ходил по музею, рассматривал фотографии, документы. Переспрашивал у ребят: «Так Слив Аркадий жив? И Миша Козеко, и Рая Горкун? И они в Ленинграде, и я смогу с ними повидаться?»

Александра Михайловича товарищи считали погибшим. Бой за деревню Лопухинку

был жестоким, много моряков погибло в этом бою. Мать краснофлотца Саши Ефимова получила похоронку. В ней сообщалось: «Александр Михайлович Ефимов пал смертью храбрых при выполнении боевого задания командования в борьбе с немецкими фашистами на подступах к городу Ленинграду. Тело похоронено в Усть-Рудице Ленинградской области».

Последнюю довоенную фотографию Саши постаревшая от горя мать поставила в траурную рамку. А он был жив.

Раненного в голову, в ногу, в руку, без сознания Сашу захватили в плен фашисты. Александр Михайлович вспоминает:

«Я очнулся в каком-то сарае и во всем теле почувствовал боль. Болели руки, нога, горло, плечо. В сарай вошли фашисты, начали бить, безоружного, раненного. Когда снова очнулся, вместо лица была маска — зубы выбиты, лицо искалечено.

И начались мытарства. Сначала я находился в лагере заключенных в Котлах, потом меня перевели в Волосово, из Волосово — в Гатчину. Из Гатчины — в Кингисепп. Опять Котлы. Несколько раз пытался бежать, но безрезультатно. Удивляюсь теперь, как меня только не расстреляли».

Через три года, в 1944-м, фашисты решили отправить пленных, в том числе и Ефимова, в Германию. На одной из железнодорожных станций в Прибалтике Александру Ефимову вместе с одним из пленных, латышом, удалось выпрыгнуть из вагона. Много километров прошли они вглубь от железной дороги. Остановились в деревушке, где жили родствен-

ники латыша (его имени Александр Михайлович не помнит).

Только подлечился немного Ефимов, как заболел сыпным тифом. Когда поправился, узнал, что советские бойцы гонят с родной земли фашистов. В деревне уже прошел слух — вот-вот появятся части Советской Армии. Решил пристать к одной из них. Проверка прошла быстро — по запросу командования ответили, кто он, где служил. Так краснофлотец Ефимов стал бойцом запасного полка, а через некоторое время его перевели в боевую часть, с которой он дошел до Восточной Пруссии. За храбрость, проявленную в боях, был награжден орденом Славы.

— В 1945 году после демобилизации я приехал в Ленинград, — рассказывал Александр Михайлович. — Шел с вокзала домой и не мог насмотреться на родной город. Он был изранен, как я, но уже прихорашивался. Пришел домой, позвонил, открыла дверь мама. Увидела меня, а сама и слова сказать не может. О том, что получила на меня похоронку, я ведь не знал.

Руководитель поисковой группы красных следопытов просила Александра Михайловича немного подождать, не звонить своим боевым товарищам — скоро в школе торжественный сбор, там ветераны и встретятся. Нет, не вытерпел — как только узнал телефоны, всем позвонил. А ребятам принес и фотографию свою, и копию похоронки, и даже свои воспоминания. Многие из ветеранов его бригады так сделали, потому что увидели, как свято берегут все это пионеры 419-й школы.

В. ПОПОВА

ПОБЕДИТЕЛЯМИ ВИКТОРИНЫ С РИСУНКАМИ В 1986 ГОДУ ПРИЗНАНЫ:

Никитина Лидя, Серпухов, Московская область. Павловская Ира, Киев. Глушаев Дима, Шумерия, Чувашская АССР. Грибовский Саша, Поставы, Витебская область. Гаджиева Пати, Махачкала. Леонтьева Аня, п. Синегорье, Магаданская область. Сухов Костя, с. Завьялово, Алтайский край. Глушкова Лидя, Иркутск. Нечипоренко Юля, Мирный, Архангельская область. Шаповалов Толя, п. Александровка, Одесская область.

МАЛЕНЬКИЙ КЛЮЧАРЕВ И ЕГО БАБКИ

Владимир МАКАНИН

Рисунок А. Ивашенцовой

Бабка Матрена была не в духе.

Она не могла найти подводу, а ей надо было ехать на рынок и, продав овощи, добыть кое-какие деньги на жизнь. Мрачная, но уже решившаяся идти пешком, Матрена сказала бабке Наталье и ее Мари:

— Витюше там-то и там-то — молоко, картошка тоже есть.

Добавила:

— Хлеб есть. Пока я вернусь, должно хватить.

И ушла, взвалив на плечи два полмешка молодого лука и прочей зелени: ранним утром, пешком, согбенная и угрюмая, уже зашагала к станции, где и был рынок.

Она сказала: «Кормите Витю молоком и картошкой», — про самих же их не сказала ни слова, и едва ли бабка Матрена предполагала, что голод, мол, не тетка — сами, мол, догадаются и сами возьмут. Тут именно мог быть умысел, и скорее всего ей хотелось, чтобы они именно без спросу взяли еду, притом чужую: бабка Матрена не была из добреньких, она жила своей жизнью и на чужую жизнь не равнялась. Витю, мол, покормите молоком и картошкой, а сами — ешьте, что есть, этой-то вот простенькой и понятной добавки в ее словах не было. Недосказала она, а стало быть, горделивые старухи даже и хлеба сами взять не могли.

И старухи не взяли. У них тоже была своя жизнь, и чужой жизнью жить они не умели.

Оставшиеся, они не жаловались, что бабка Матрена их не кормит, они, правда, вздыхали, укоряя ее: они бы, мол, на ее месте не забыли и дали бы ей, бедной, как-то питаться, будь у них эта земля, и эта картошка, и эта корова, и умение за коровой ухаживать. Они не ели, выказывая иное свое умение, умение смиряться не уступая: оттого-то так страшно и пугающе быстро они худели.

Бабка Наталья и Мари его кормили, собирая со стола даже и крошки, — для него.

Отварив картошку, они толкли ее прямо в миске с молоком, после чего несли холодно-горячее пюре, картинно воткнув в него большую деревян-

ную ложку. Глотавшие слюну, они сдерживались, и лишь однажды Мари вдруг сказала, нет, мол, сил терпеть голод более, а бабка Наталья строго ее отчитала за недостойную слабость: грассируя, она выдавала пассаж за пассажем, и Мари уже кивала, признавая вину, и каясь, и роняя слезки.

Однако к обеду второго дня старухи стали иссякать: отвлекая друг друга, они стали вспоминать ту и эту войну, ту и эту разруху. Как бы соревнуясь, они рылись во времени, легко и без натуги отыскивая памятные тяжкие дни там или здесь в долгой своей жизни: им было что вспомнить. «Помнишь ли, как в детстве на Орловщине...» — «Нет, — вдруг оборвала бабка Наталья, — а те дни мы вспоминать не будем. Это сведется к разговору о еде и о твоём любимом малиновом варенье. Я запрещаю тебе!» — «Наташа!» — Глаза у Мари заблестели, сухонькие, бесцветные глаза. «Не будем», — сказала бабка Наталья.

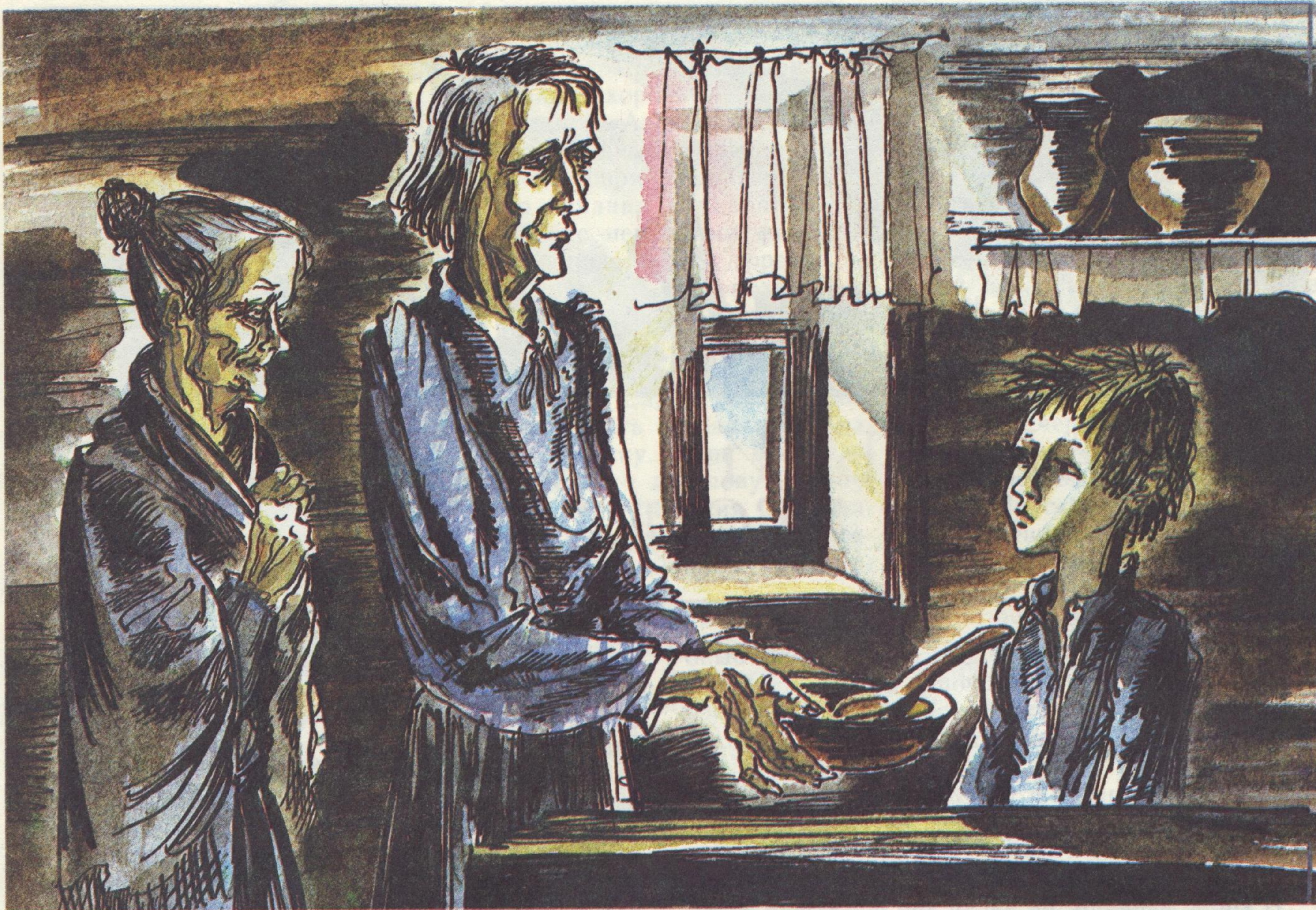
Подступала новая ночь (Матрена еще не вернулась) — июньские ночи стали прохладны, и мальчик подолгу лежал на теплой печи, слушая, как мучаются старухи. Говорила Мари, она нет-нет и капала слезами — мы, мол, только что отголодали такую войну!

— ...я ведь, Наташа, прости меня, согласилась поехать с тобой отчасти с умыслом. Дай, думала, на старости лет увижу русскую деревню, притом уральскую, далекую от всех и вся, далекую от споров и войны. И еще, сказать ли, знаешь, что я думала — похожу по улице, что может быть лучше лета в деревне! детство вспомню, тишину и — молока попью!.. ты знаешь ли, мысль про молоко, про то, как я буду пить молоко из железной кружки после многолетнего голода...

— Ты меня не разжалобишь! — сказала бабка Наталья. — Есть нам не предложили.

— Я же не настаиваю на молоке, Наташа, Наташа!.. Ты меня неверно поняла, — заспешила Мари. — Я же говорю: хлебца-то можно поест немного?..

— А тебе предложили есть хлеб? — холодно произнесла бабка Наталья.

Мари вновь заплакала.

Он слышал в дреме, как они запели, а когда он свесил голову вниз и глянул, они сидели обнявшись, Мари всхлипывала, и пели скрипучими старушечьими голосами песню, где слова были почти неразличимы:

да я-я-ааа одета-ааа... —

он засыпал, он посапывал носом, он слышал, как бабка Наталья спросила: «Мы не мешаем тебе спать, милый?..»

Потом сон отступил. И он услышал:

— А знаешь, Мари, мы не умрем, — заговорила теперь бабка Наталья, — я искала и нашла выход: если Матрена и завтра не вернется, мы сделаем вот что: мы поработаем...

— Как?

— Помнишь, она жаловалась: в огороде, мол, полоть надо — мы прополем ей грядки... и поедем хлеба с картошкой — за труд! Это будет справедливо.

— Глубокая мысль, Наташа! какая глубокая и верная мысль! — подхватила Мари.

Мальчик канул в недолгую дрему, как-то сразу успокоившись за их жизнь. А разговор старух теперь, вероятно, кружил и кружил возле тех невоспаленных грядок.

Он проснулся от легких шагов: сухонькая Мари вдруг устремилась к окну, открыв ставни, она приникла к маленькому окошку — и вгляделась:

— Наташа! Какое очарованье! какая луна!

— Да, сейчас полнолуние, — откликнулась бабка Наталья.

— Нет, она замечательная, эта луна, — она упоительная! Ты слышишь, Наташа, — луна!

— И что же?

— Как что — замечательная же видимость, все как на ладони...

Мари теми же легкими шагами метнулась от окна к своей давней подруге:

— Наташа, милая, ты только не спорь, ты такая спорщица и упрямица, с самого детства. Что ты доказываешь? кому?.. Матрена не права, конечно, бросила нас на произвол: с гостями, тем более с родней, так не поступают...

— С родней только так и поступают, — сказала бабка Наталья. — Именно с родней.

— Но — не спорь же. Ведь ты согласна, ведь ты сама нашла этот выход: пойдем туда. Я тебе уступала, Наташа, — уступи и ты теперь, — ты согласна?

Молчание.

— Ты согласна, Наташа?

Бабка Наталья сказала наконец, что она согласна, и вот в лунную ночь две голодные старухи вышли в огород, подрагивая от холода, и принялись среди ночи обдергивать грядки. Согнувшиеся, они двигались полшажок за полшагом, медленно, поначалу не столько изымая сорняки, сколько — разглядывая. Они было поискали мо- тыги, но не знали где и не нашли, к тому же ночью,

в темноте вести прополку руками им показалось надежнее. Мальчик, позевывая, тоже вышел за ними — была луна, не спалось.

Они посоветовали ему идти спать, но он отказался, и было удивительно, что они не настаивали: они уже забыли о нем, поглощенные объявившимся и спешным своим делом. Хватая траву под корень, они дергали и дергали, и не сейчас ему было дано узнать, что в старости есть хочется куда острее, чем в любом ином возрасте.

Согбенные, они смещались по грядке медленно, как старые черепашки, он же ходил возле. Он поглядывал на луну, которая в тот год холодно и неясно его тревожила. «А ты помогай нам», — сказала Мари, и голос ее, притихшую, выдал — она нервничала. Он стал обдергивать помидоры, приткнувшись меж старухами и двигаясь понемногу следом. Вскоре ему надоело, и, зевая, он только ходил и смотрел, а старая Мари ласковым голоском ему выговаривала: «Ах, лентяй! ах, лентяй! Ты разве не знаешь, милый, кто не работает — тот не ест».

Через час, что ли, Мари сделала попытку разогнуть спину, однако бабка Наталья сказала:

— Нет, недостаточно.

— Но ведь уже четыре грядки, Наташа.

Бабка Наталья не ответила.

— Но ведь огород весь мы никак не осилим!

— Не заставляй меня повторять, Мари. Я же сказала: шесть грядок.

Закончившие шесть грядок, они разом иссяк-

ли — сели на землю и не вставали. Было слышно, как они дышат. А через минуту-две они встали и припустили бегом, ибо с желанием поесть больше бороться не могли: даже бабка Наталья слишком быстро устремилась в избу. Мари, конечно, летела впереди как на крыльях. Внук за ними еле поспел.

— Садись с нами, перекусишь, — сказала бабка Наталья (нож стучал по столу, она лихо-радочно нарезала хлеб).

— Да, садись, садись, — волновалась Мари. — Такая беспокойная у нас ночь сегодня...

Но он-то есть не хотел. Его потянуло на улицу; старухам было не до него, и он, неокликнутый, вновь вышел в огород и уставился на луну: луна, в легких облаках, висела яркая в высоком небе, а низ картины занимали зубчики плетня, черные, как бы вырезанные из черной бумаги. Мальчик взволновался: на частокле плетня, на неподвижном и как бы вечном, плыли белесые облака, в центре же — тоже неподвижное — разместилось огромное и торжественное желтоватое око.

Потом они, насытившись, лежали на лавках и уже спали: тоненько посапывала бабка Наталья и пушечно-громко храпела крохотная Мари. Он влез на печку и долго, беспричинно томился.

Он еще не заснул, когда дверь в сенях хлопнула и явилась бабка Матрена.

— Внучек, родной мой, — кликнула она негромко, но он не ответил — лежал с открытыми глазами, все еще томимый луной.

ПРИСТАЛЬНО ВСМАТРИВАЯСЬ...

Помнится, в детстве меня поразили человек, который приходил в нашу семью, — звали его Гроздов. Был он огромного роста, косая сажень в плечах, придя, всегда заходил в детскую и возился со мной и с моим братом, катал на плечах, учил делать на полу кувырок — фляк, ходить колесом, вырезать из бумаги бумеранги — гнутые полоски, которые, описав по комнате круг, сами возвращались к тому, кто запустил их. Был добр, щедр и однажды в мороз пришел без пальто, а когда отец спросил его: с чего бы так? — смутился и ответил, что пальто снял на улице и подарил нищему (дело было в начале тридцатых годов на Украине). «Ведь у меня дома еще одно есть», — объяснил он. Можно себе представить, как я был поражен, когда услышал от матери, что Гроздов убил двух человек. Они напали на него с ножами, а он сгреб их за шею и ударил друг о друга. Вот как неожиданно открылась мне в этом добродушном человеке еще одна сторона характера — суровость, о которой я и не подозревал. Мало того, я был уверен, что всю жизнь он прожил тихо, работая на заводе горновым, а оказалось, что был Гроздов раньше матросом, участвовал в восстании на крейсере «Очаков», был арестован, бежал, и уж потом отец скрывал его на заводе, приставив к мартеновской печи. Ниче-

гошеньки, как оказалось, я в этом человеке не понимал.

Большой писатель это тот, кто учит нас видеть, в малом делать для себя большие открытия.

Ну разве, скажем, не «чудики» две старухи из рассказа, который вы только что прочитали? Их оставили в избе, где полно еды, они кормят мальчонку, а сами не берут в рот ни крошки. Им же никто не запрещал! Не запрещал... А им этого мало. Ведь, уезжая, бабка Матрена не сказала: можете брать! Скорее всего, она даже и не подумала об этом — кормила их сама, будут есть и без нее. Но для странных старух, воспитанных в каких-то, совершенно непонятных ни для бабки Матрены, ни для маленького Ключарева, правилах, этого совершенно недостаточно. Вот как высоко ценят они слово! Разрешение или запрещение для них обязательны. И только заработав своим трудом право на еду, накидываются они, уже изнемогающие от голода, на хлеб и картошку... Читаешь и сразу на ум приходят люди, о которых еще раньше читал или слышал, те, что считали честь дороже жизни или ценили свое слово так высоко, что даже заключая соглашения или начиная работу, не требовали никаких подписей, никаких письменных обещаний. Дал слово — рассчитаюсь — и все... Не берусь решать, хорошо это или уже

стало смешно — жизнь судит по своему, но разве не прекрасно, что, прочитав рассказ Маканина, сразу же думаешь: надо и мне внимательно присмотреться к окружающим. Присмотрюсь и откроется в них столько удивительного! Станут понятными самые странные поступки или, наоборот, те поступки, что казались простыми, наполнятся глубоким смыслом и значением.

Владимир Маканин, а напечатали мы отрывок из его большого рассказа «Голубое и красное», пишет только для взрослых. Его книги лягут на ваши столы немного погодя. Но фамилию его надо запомнить. Он научит вас пристально вглядываться в окружающих, понимать, что движет ими, какие особенности характера, воспитания, биографии сделали человека именно таким, а не иным. Хирург, когда он острием скальпеля взрезает ткани и раздвигает крючками наружные покровы, обнажает обычно скрытое. Маканин открывает причины своеобразности людей. Он учит нас видеть сокровенные пружины, двигающие людьми.

Если бы меня спросили, как одним словом назвать этот редкий писательский дар, я бы сказал: «Человековедение». Владимир Маканин владеет им полностью.

С. САХАРНОВ

Мистер

Ж. ЯНОВСКАЯ

Рождественская церковь была одной из самых богатых и красивых в Нижнем Новгороде. Светло-малиновые стены, витые колонны. Пять золоченых глав наверху. На колокольне — большие часы. Каждый раз после боя на всю окрестность слышался перезвон, словно играли серебряные колокольца, и музыка. А по циферблату, рядом со стрелками, на маленьком небосклоне, двигались солнце, звезды, луна.

Как зачарованный стоит Ваня и глаз не сводит.

— Пустите на колокольню, дяденька. Охота узнать, как устроены часы, — просит он сторожа. — Я ведь ничего не трону. Только погляжу.

Сторож сердится, не соглашается.

— Да чей ты такой будешь, приставаля?

— Кулибин я, Ваня. Отец в мучной лавке торгует.

Сторож смилостивился.

— Ладно, иди. Да живым манером назад. Покуда я кругом церкви подмету, чтоб был уже внизу.

Ваня не слышал последних слов. Перепрыгивая через ступеньки, он мчался по крутой

лесенке вверх. Еще поворот, еще — и он на колокольне.

Отсюда виден весь Нижний Новгород. Широкая Волга, белые паруса на ней. Шумливый Нижний базар. Узкие улочки Кунавинской слободы.

Но не смотрит Ваня на город. Его занимают часы. Зубчатые колеса, барабан с выступами, рычаги. Все это движется, вращается. Но как, почему, где начало движения, Ваня понять не может.

Как-то в лавку к отцу зашел сосед.

— Ну, как ты живешь? — спросил он.

— Плохо идет торговля. Да вот и сын не помогает. Все ему охота до всего дознаться — и как крутится мельница, и зачем бьют часы, — пожаловался отец.

Купец с интересом посмотрел на мальчика.

— А ну подь ко мне, я тебе что покажу.

В доме купца на стене висели часы. Вправо-влево качался маятник, двигались стрелки.

Вдруг распахнулась какая-то дверка и из нее выскочила кукушка, совсем как живая. Она взмахнула крыльями и

прокуковала столько раз, сколько били часы.

— Что, нравится? — засмеялся сосед. — Вот, привез из Москвы.

— Дайте мне их на один денек. Я не сломаю, — попросил Ваня.

И столько было мольбы и серьезности в его голосе, что купец согласился.

В тот вечер, когда все легли спать, Ваня осторожно снял футляр с часов. Он смотрел, как соединены между собой части, останавливал и пускал в ход маятник. Постепенно становилось ясным устройство часов. И тогда захотелось сделать самому такие же.

Из дерева он стал вырезать колесики. Все это перочинным ножом — другого инструмента у него не было. И вот он собрал свои часы. Они не пошли.

Долго бился Ваня и наконец понял: перочинным ножом нельзя сделать часы.

Ему повезло: по случаю он достал маленький токарный станок и еще некоторые инструменты. И вот тогда-то он сделал свои часы!

Часы повесили в лавке.

— Вишь, сам достиг, — теперь уже с гордостью и даже как будто не веря, говорил Петр Кулибин о сыне своим покупателям, показывая на часы.

— Продайте мне. Я хорошо заплачу, — попросил один купец.

Часы продали. А Ваня стал делать новые, теперь уже из меди. И принимал любые часы в починку. Слава о нем пошла по всему городу. Больше не нужно было ехать за часами в Москву. У своего, нижегородского мастера можно было купить часы и исправить даже самые сложные.

...Он уже был женат. Рос сын. Все шло как будто хорошо. Но Кулибин вдруг затосковал. Часы с кукушкой. Одно и то же, одно и то же... Ему хотелось чего-то нового, занятного, любопытного. Он мечтает создать необыкновенные часы... Он думает над ними... Таких часов на свете нет. Но он видит их, видит...

Он просыпался ночью, вскакивал и начинал рисовать, чертить. Иногда под рукой не было бумаги. Тогда он проводил линии на столе, чертил на игральных картах...

— Вот помыслил я сделать часы. Да ведь где взять деньги? Тут особый инструмент нужен и материалы, — сказал Кулибин богатому купцу Костромину и разложил перед ним свои чертежи и рисунки.

Костромин знал Кулибина с малых лет. Уж если он что сказал — сделает. У Костромина зародилась своя мысль. В городе шел слух, что царица Екатерина собирается посетить Нижний Новгород. Неплохо будет ей поднести такие часы и тем самому выдвинуться.

— Ладно, делай, — оглаживая рукой бороду, сказал Костромин. — Деньги я дам.

И вот Кулибин работает над своими часами. В них более четырехсот деталей. Иные так малы, что их едва можно разглядеть. Иван Петрович хочет, чтобы часы его показывали не только время, а чтобы на маленькой сцене под музыку разыгрывалось представление. Он рисует к часам укра-

шения и даже музыку пишет сам.

А Екатерина с придворными уже плывет вниз по Волге, останавливаясь в городах.

На торжественном приеме, где был губернатор и вся знать Нижнего Новгорода, Иван Петрович преподнес императрице свои творения. Сделанный им телескоп переходил из рук в руки, рассматривали хитроумную машину, любовались часами. Величиной и формой они напоминали гусиное яйцо, в золотой оправе, с затейливыми украшениями.

Екатерина была поражена искусством Кулибина и повелела графу Орлову записать изобретателя и при случае вызвать его в Петербург.

...В феврале 1769 года Кулибин вместе с Костроминым подъезжал к столице. Иван Петрович все беспокоился, проверял, хорошо ли лежат в санях его приборы. Часы «яичной фигуры» он вез в руках.

В целостности и сохранности Иван Петрович сдал свои часы и приборы. Екатерина повелела их поместить в Кунсткамеру. А Кулибин был назначен заведывать мастерскими при Академии наук.

...Весна. Кулибин стоит у окна и смотрит на Неву. Лед на реке уже некрепкий, подтаивает. То тут, то там он видит фигуры людей, осторожно пробирающихся к берегу. И вдруг — упал человек, провалился под лед. Хорошо, другой к нему ползком подобрался, сумел вытащить.

И опять Кулибин, как все это время, с первого дня приезда, думает о мосте. Столице нужен не временный наплавной, а постоянный мост через Неву.

Он принялся за чертежи и расчеты. Строит модель и доказывает, что по модели можно определить, будет ли прочным мост. Это было в науке новым. А потом стало везде применяться.

Кулибин подает свой проект в Академию наук.

...На академическом дворе собрались ученые — профессора, академики. Предстояло испытать модель Кулибина.

Кое-кто посмеивался, не верили. Ведь недавно они испытывали модели, представленные другими строителями. И не выдержали нагрузки — рухнули.

— Что ж, два моста изъездили, давайте доезжать третий, — шутили академики.

— Этот Кулибин скоро построит нам лестницу на самое небо.

Рабочие стали носить на модель железо. Вот уже положен расчетный груз. Наступило молчание. Академики осматривают модель со всех сторон, прислушиваются, не раздастся ли скрип или треск ломающейся части.

Положили оставшееся железо. Модель стоит неколебимо.

— Там, в углу двора есть еще кирпичи, — говорит Кулибин.

Положили и кирпичи. Больше класть было нечего.

Тогда Кулибин взошел сам на мост и пригласил всю комиссию. Один за другим поднимались академики. Они поздравляли Кулибина.

Слух о чудесном сооружении пошел по всему городу. Толпы народа приходили на академический двор смотреть замечательную модель. Все ждали, что скоро начнут строить мост.

А Иван Петрович пока занялся решением других задач.

Он механизировал стекольное производство, чтобы рабочие не надрывались, таская тяжелые тигли с расплавленным стеклом. Придумал сеялку, где зерна равномерно ложились в землю. Самоходное судно, заменившее каторжный труд бурлаков.

Но на все его изобретения смотрели недоверчиво, свысока. И мост не строили. Говорили, нет денег в казне, громоздкое сооружение. Тогда он создал модель нового моста — легкого и прочного, из железа. Но и этот мост не был построен. Только через тридцать с лишним лет возвели первый постоянный мост через Неву. Но он его уже не увидел.

Оформление В. Цикоты

Рассказ фронтового оператора

Танки движутся прямо на нас. Фашисты бросили на Ленинград самую современную технику. В видоискателе кинокамеры я уже могу разглядеть фашистский крест на тяжелой броне. И вдруг — вспышка. Танк подбит! А вон еще один! Только бы успеть снять! «Приготовиться к атаке!» — слышу крик комбата. От грохота взрывов закладывает уши, сыпется песок со стен окопа. Бойцы сидят пригнувшись, сжимая оружие. Когда взвод поднимается в атаку, я снова снимаю.

В ночь на 22 июня 1941 года на «Ленфильме» закончились съемки фильма «Антон Иванович сердится». Я мечтал об отдыхе. А утром узнал: «Война!» Воевал в пехоте на ленинградском фронте, командовал ротой 37-го стрелкового полка 56-й дивизии. Зимой меня ранило. А когда после выздоровления я снова прибыл на фронт, в заплечном мешке у меня лежали камера и пленка. Я начал работать

в группе ленинградских фронтовых операторов.

Сегодня фронтовые съемки стали бесценными документами. Поднялся с бойцами из окопа с кинокамерой в руках оператор Владимир Сушинский. За один кадр атаки он заплатил жизнью. Погибла, снимая бой в партизанском отряде, оператор Маша Сухова. В полете на штурмовике погиб оператор Кафафьян. В морском бою — Павел Лемпрехт и Анатолий Знаменский. У ленинградских операторов был еще один враг — голод. Ефим Учитель, всю блокаду снимавший Ленинград, возил свою камеру на санках — тяжело было нести... Съемки Ленинграда и боев на подступах к городу продолжались все 900 дней блокады и вошли в фильмы «Ленинград в борьбе» (1942) и «Великая Отечественная».

На фронте воевали многие ленфильмовцы. Погиб во время боев под Ленинградом режиссер Евгений Вениамино-

вич Червяков, награжден орденом Славы Сергей Микаэлян. Дошел до Берлина режиссер Михаил Иванович Ершов, снявший фильм «Блокада», воевали оператор Анатолий Михайлович Назаров и режиссер Ян Борисович Фрид...

В День Победы бывший фронтовой оператор лауреат Государственной премии СССР, заслуженный деятель искусств РСФСР Евгений Вениаминович Шапиро надевает свои боевые награды. Среди них — орден Отечественной войны 1-й степени и орден Красной Звезды. Фильмы, которые он снимал, хорошо известны зрителям: «Золушка», «Алеша Птицын вырабатывает характер», «Попов», «Двенадцатая ночь», «Евгений Онегин», «Пиковая дама», «Крепостная актриса»...

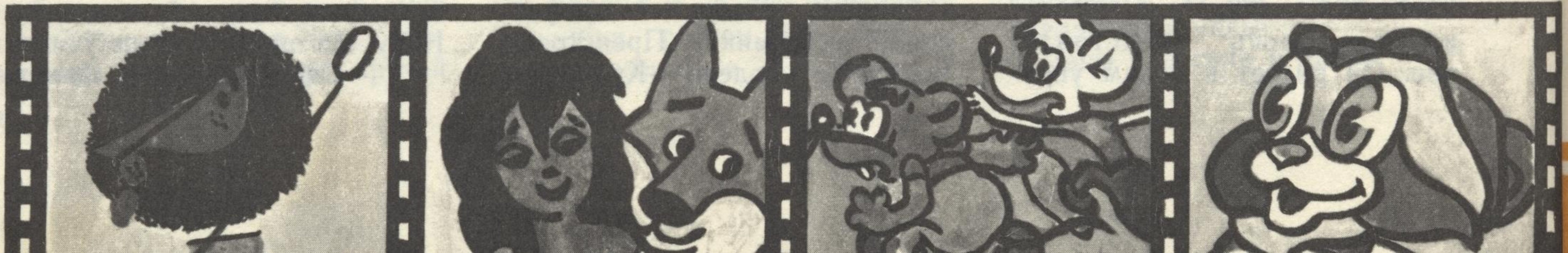
Киноклуб поздравляет Евгения Вениаминовича и всех кинематографистов, участвовавших в войне, с Днем Победы!

ВНИМАНИЕ! ИТОГИ МУЛЬТВИКТОРИНЫ!

Победителями викторины стали те, кто правильно назвал авторов фильмов, их названия и героев. Победители получают дипломы Киноклуба. Правильно ответили: **Алеша Крикливый** и **Володя Шипилов** из Красноярска, **Катя Грищук** из Воронежа, **Андрей Сахацкий** из Запорожья, **Оля Заварзина** из Горь-

кого, **Наташа Тюрин** из села Черный Яр Астраханской области. **Оксана Белова** из Калинина, **Марина Передирай** из Хабаровска, **Марина Бакаева** из Ярославля, **Алеша Долгов** из Ленинакана, **Наташа Алешина** из г. Люберцы, **Наташа Ночхрина** из Омска, **Лена Мороз** из Шахтерска Донецкой области.

На первом рисунке изображен герой мультфильма «Каникулы Бонифация» лев Бонифаций. На втором рисунке — Маугли и Акела из мультфильма «Маугли». На третьем рисунке — мышата из мультфильма «Приключения Кота Леопольда». На четвертом рисунке — крошка Енот из фильма «Крошка Енот».

«ИСТОРИИ КОТА ФИЛОФЕЯ»

У каждого бездомного кота или кошки из этой телепередачи ленинградского телевидения своя история. Грустная история. О том, как невнимательны и жестоки бывают люди к своим четвероногим друзьям. Автор сценария В. Зимин, композитор — Я. Дубравин, редактор — Т. Кондратьева.

Тино снимаем сами

На подворье атамана собралась почти вся станица. Строго глядят старики. Лется песня, горестная, многоголосая. Невеселое это дело — казака на службу провожать. Волнуясь, выходит он перед станичниками. Ветер треплет светлые волосы. Подносят казаку шашку — старинную, не раз бывавшую в бою. Целует казак оружие. Подводят ему коня. Встряхивая гривой, переступает конь тонкими ногами, косит глазом на нового хозяина. Один за другим дарят казаку станичники — кто бурку, кто папаху, кто бешмет. Веселеют лица, веселеет песня — славный казак выступает теперь по подворью, ведя под уздцы коня...

Это кадры из фильма «Вспомним братцы, ку-

банцы» детской любительской киностудии станицы Тбилисская Краснодарского края. Это специально для юных кинематографистов разыграли станичники старинный обряд — проводы казака на строевой кордон.

— Мы снимали фильм на настоящем подворье атамана, которое сохранилось в станице, — рассказывает Слава Звонок из съемочной группы фильма. — Вещи все подлинные — из сундуков. А старики, что снимались в фильме, еще помнят такие проводы и очень нам помогали. Полгода приходили к нам на студию песни для фильма напевать! Теперь я кино смотрю совсем не так, как раньше, — знаю уже, сколько труда приходится вкладывать в каждый кадр.

ИЗ ИСТОРИИ КИНО

«АНТА... ОДЭЛИ... УТА...» — эти сигналы из космоса радиостанции стали получать осенью 1923 года. Газеты нашей страны публиковали сенсационные сообщения огромными буквами. Читатели заволновались. Может быть, это сигналы о помощи? Но откуда? С Венеры, Марса, Сатурна, Юпитера? Как выяснилось — с Марса!

Сенсационные сообщения газет оказались рекламой первого советского фантастического фильма «Аэлита», который снимал в это время режиссер Яков Протазанов по роману Алексея Толстого.

На съемочной площадке студии «Межрабпомрუსь» впервые строился межпланетный космический корабль —

Путешествие на Марс

«интерпланетонеф». Корабль получился внушительных размеров.

Огромные лестницы, широкие спиральные пандусы, величественные колонны создавали фантастический дворец марсианской правительницы Аэлиты. Постройка была грандиозной для кино тех лет: в декорациях могли свободно разместиться триста «марсиан». Многие актеры и ученики актерских школ стремились попасть в марсиане. Необыкновенные костюмы придумывали художники для Аэлиты, марсианских министров и стражников.

Космические приключения оказались... сном инженера Лося. Но прошло шестьдесят лет — и сегодня межпланетный полет оказывается реальностью.

Эдвард Лир (1812—1888) — английский художник, путешественник. Занимался иллюстрированием книг по естественной истории, публиковал записи о своих странствиях. Но настоящую славу принес ему сборник для детей «Книга небылиц». За ним последовали «Веселые песни и истории», «Новые веселые песни», «Смешная лирика», эти книжки сделали Эдварда Лира знаменитым детским поэтом, «лауреатом небылиц».

ИНКЛИ, ТИНКИ, ПОБЛБОКЛ...

В пятнадцать лет Эдвард Лир расписывал ширмы, веера и рисовал вывески. В восемнадцать он был уже профессиональным художником. Граф Дерби пригласил его в свое имение Ноусли делать рисунки с экзотических птиц, которых Дерби привез из далеких путешествий. Это был серьезный труд. И в имении графа собирались серьезные и ученые люди, к тому же и благовоспитанные — самое утонченное общество того времени. А происходило это в середине прошлого века, в эпоху королевы Виктории, когда в почете были именно эти качества: благовоспитанность, добропорядочность, респектабельность, серьезность.

Эдвард Лир оправдал свое звание серьезного художника. Вышел в свет его великолепно оформленный альбом с птичками лорда Дерби, появились 42 цветные литографии попугаев из зоопарка Риджент Парк...

Иногда Эдвард Лир принимал участие в благовоспитанных беседах, которые велись в салонах графа Дерби, но потом исчезал куда-то. Как выяснилось, он убегал в детскую! «Однообразный, бесцветный язык, на котором изъясняется высшее общество, чертовски раздражает меня!» — такую запись в своем дневнике оставил Лир об этих приемах и вечерах. Скучая, он ловил себя на мысли: хорошо

бы похихикать и попрыгать по галерее на одной ножке! Все это было позволительно только в детской — хихикать, прыгать на одной ножке, говорить любую чепуху, рассказывать небылицы... Такие, например:

Растяпа — старик из Лиона
Свалился в кастрюлю бульона.
Повар был не дурак,
Отыскал он дуршлаг
И поддел старика из Лиона.

Лир сам сочинял такие забавные пятистишия и смешил ими детей. За те годы, что он провел в имении Дерби, небылиц набралось много — на целую книгу. Книгу издали. На первой странице Лир изобразил самого себя — круглым, смешным, длинноносым господином. К себе Эдвард Лир относился всегда с юмором: «Я написал целые тома всякой чепухи, у меня ужасная физиономия, борода у меня седеет, а волосы выпадают, и когда я стану совсем лысым, я возьму и разрисую свою лысину зелеными и синими полосками...»

Свои забавные небылицы Эдвард Лир сочинял всю жизнь — не специально, а как бы между прочим. Но именно

они принесли ему славу, а не великолепные альбомы с рисунками птиц и зверей, пейзажи и наброски в путевых альбомах.

Пьет напитки толстяк из Оттавы
Не от жажды, а ради забавы.
Все кричат: «Осторожно,
Так и лопнуть ведь можно!»
Но не слышит толстяк из Оттавы.

Когда Лир получил приглашение к королеве Виктории, тоже вышла забавная история. В один прекрасный день в королевский дворец прибыл довольно неряшливо одетый человек, близорукий, неуклюжий. Он позвонил в колокольчик и сказал:

— Я пришел повидаться с королевой. Я Лир.

Пораженный слуга принял его за сумасшедшего, который выдает себя за короля Лира из шекспировской трагедии. Во дворец его в конце концов пустили: так приказала королева Виктория, она слышала о нем... Там, рассматривая коллекцию миниатюр, Лир забылся от восторга и воскликнул простодушно: «Где вы, ваше величество, достали эти

прекрасные вещицы?» Королева ответила с достоинством: «Я их унаследовала, мистер Лир!..»

Лир много путешествовал. Во время путешествий он рисовал и отсылал рисунки в Лондон. И писал письма друзьям — из Греции, из Италии, из Албании... В каждом письме было что-нибудь забавное, какая-нибудь «бессмыслица». Предположим, человека зовут Тристан, так Лир обязательно изобразит его имя таким образом: «З-стан». А другой корреспондент вдруг получит по почте такое послание: «Трилли Риллиминкс! Инкли, тинки полббок аблесквобс?..»

Лир сам придумывал новые слова. Всякие такие «инкли», «груфиберный», «помскизильный»... А город Лондон он назвал Фоггополисом, то есть Туманградом. И новых существ выдумывал: доброго страшила Квэнгла Вэнгла, загадочного мистера Дискоболоса... К своим небылицам Эдвард Лир делал сразу иллюстрации — чтобы читателю становилось понятно: что это за зверь, Квэнгл Вэнгл!

Шестидесятидвухлетним стариком Эдвард Лир путешествовал по Индии. За каких-то полгода он отослал в Англию 560 рисунков, 9 книжек эскизов, 4 альбома. Внушительно! В каком-то индийском городке в гостинице он рисовал птичек для девочки — это была дочка хозяина. Эдвард Лир нарисовал сову, а она вдруг захлопала в ладоши: «Пожалуйста, нарисуйте и Киску! Вы знаете, ту, которая поплыла на лодке в море, у нее было с собой много меда, она завернула его в пятифунтовую бумажку...» Девочка пересказала Лиру его собственную стихотворную небылицу. Она знала его стихи наизусть.

И сейчас, спроси у любого английского школьника, он обязательно знает что-нибудь из Эдварда Лира, из «короля небылиц», что-то смешное и забавное. Что-нибудь вроде этого:

Старичок по фамилии Валл
С черным вороном вальс танцевал.
Все кричат: «Не годится
Поощрять эту птицу!»
Сломлен горем, старик зарыдал.

Константин ВАСИЛЬЕВ

ПРОГУЛКА ВЕРХОМ

Эдвард ЛИР

*Щипцы для орехов сказали соседям —
Блестящим и тонким щипцам для конфет:
— Когда ж, наконец, мы кататься поедем,
Покинув наш тесный и душный буфет?*

*Как тяжело томиться весною в темнице
Без воздуха, света, в молчанье глухом,
Когда кавалеры и дамы в столице
Одно только знают, что скачут верхом!*

*И мы бы могли гарцевать по дороге,
Хоть нам не случалось ещё до сих пор.
У нас так отлично устроены ноги,
Что можем мы ездить без седел и шпор.*

*— Пора нам, — вздохнули щипцы для орехов, —
Бежать из неволи на солнечный свет.
Мы всех удивим, через город проехав!
— Ещё бы! — сказали щипцы для конфет.*

*И вот, нарушая в буфете порядок,
Сквозь щелку пролезли щипцы-беглецы.
И двух верховых, самых быстрых лошадок
Они через двор провели под уздцы.*

*Шарахнулась кошка к стене с перепугу,
Цепная собака метнулась за ней.*

*И мышцы в подвале сказали друг другу:
— Они из конюшни уводят коней!*

*На полках стаканы зазвякали звонко.
Откликнулись грозным бряцаньем ножи.
От страха на голову стала солонка.
Тарелки внизу зазвенели: — Держи!*

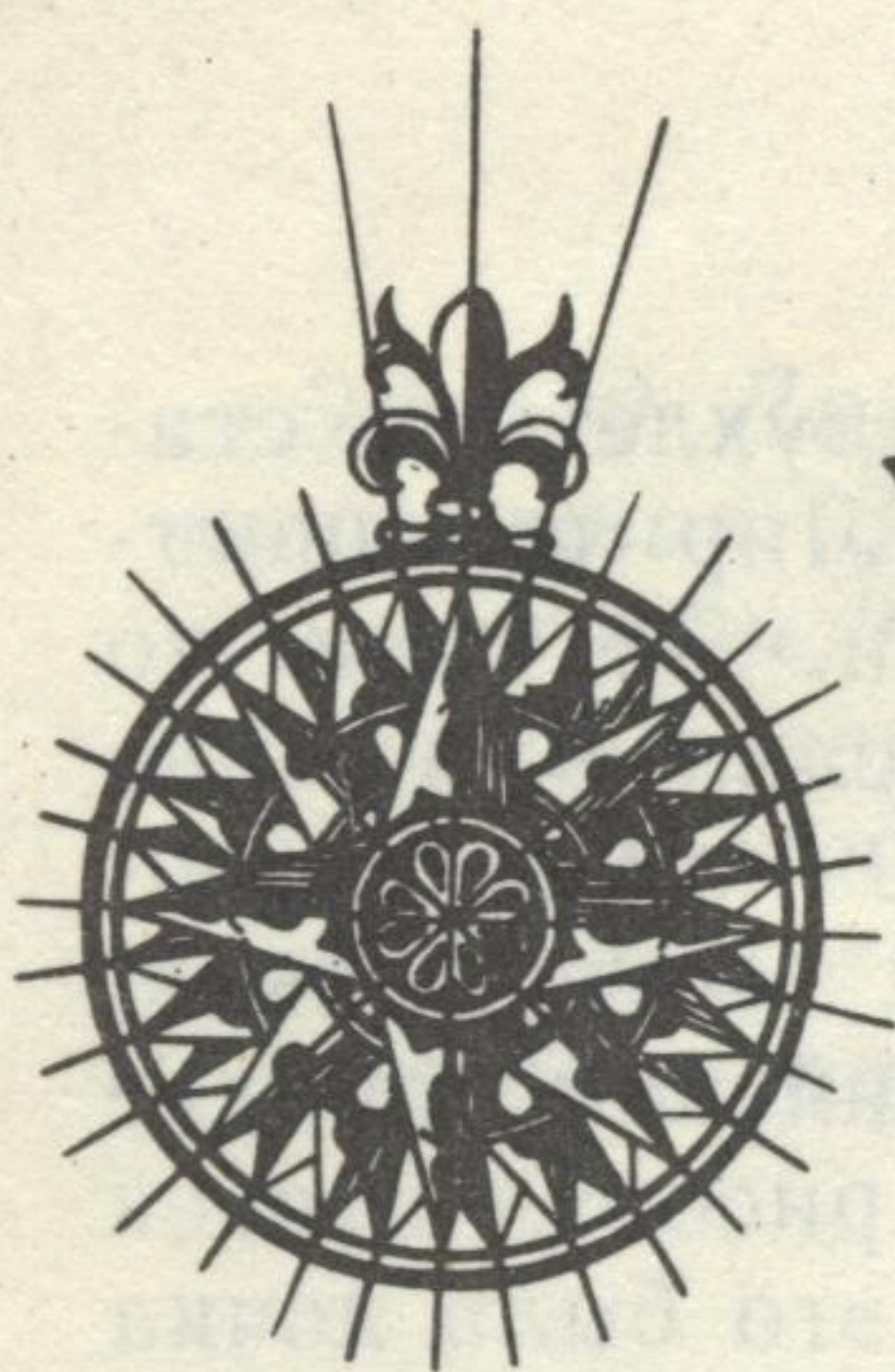
*В дверях сковородка столкнулась с лоханью,
И чайник со свистом понесся вослед
За чашкой и блюдцем смотреть состязанье
Щипцов для орехов — щипцов для конфет.*

*И вот по дороге спокойно и смело,
Со щелканьем чётким промчались верхом
Щипцы для орехов на лошади белой,
Щипцы для конфет на коне вороном.*

*Промчались по улице в облаке пыли,
Потом — через площадь, потом — через сад...
И только одно по пути говорили:
«Прощайте! Мы вряд ли вернемся назад!»*

*И долго ещё отдаленное эхо
До нас доносило последний привет
Весёлых и звонких щипцов для орехов,
Блестящих и тонких щипцов для конфет.*

Перевод С. МАРШАКА
Рисунок К. Почтенной

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Год издания — 31-й

Оформление
Л. Московского

Разные были названия у небольших бухточек на северном берегу Ладожского озера. Но в 1941 году наши моряки называли их — «Бухтами смерти».

В самом начале Великой Отечественной войны фашисты смогли окружить наши части и прижать их к берегу.

Чтобы спасти бойцов, — послали небольшие корабли с баржами на буксире.

Но только корабли подошли к берегу, как фашисты начали стрелять из

Зиновий Григорьевич Русаков
в наши дни

Фото Б. Гесселя

На старинной фотографии Зиновию Русакову — 15 лет, он в нижнем ряду, с шашкой в руках, в буденовке. Фото из архива Русакова

пулеметов, пушек и минометов. Казалось, на воде не было места, где не падали бы снаряды и пули... На берегу в окопе можно спрятаться, за камнями залечь, а на воде — никуда. Только прорываться сквозь осколки, огонь, смерть.

Тогда-то и окрестили бухты — «Бухтами смерти».

Но наши корабли прорывались. Подходили к самому берегу, забирали раненых, бойцов, технику. И уходили.

Осталось уже немногих спасти. Прорвался один маленький корабль с небольшой баржей. Прямо под берегом приткнулся. «Скорее, скорее! Грузитесь!»

Совсем уже сжимают кольцо фашисты. Стреляют и слева, и справа. А на берегу что-то мешают. Сгрудились люди, кони, пушки, повозки...

Командир корабля зовет помощника:

— Русаков! Иди на берег. Помоги. Может быть, у них командиров поубивало? Наведи порядок...

Русаков бегом по трапу:

— Что стали? Чьи кони? Чья батарея?

— Моя батарея... Я командир... Только я не вижу ничего, друг: лицо кровью залило — ранен...

А мины рядом — бух! бух! Земля сверху — комьями. Упал Русаков, рядом — раненый командир:

— А ты кто?

— Моряк я, с корабля.

— Морячок? Эх, конника бы... Кони у нас. Сам видишь: не идут, шарахаются, построшки путают. Конная мы батарея-то...

— Ладно, — сказал Русаков, — давай нагайку. Знаем мы и коней...

И вот ведь загадка: кони моряка слушаются, ездовые словно с ним полжизни служили, пушки куда надо покатились — к берегу на погрузку. В полном порядке погрузилась вся батарея.

На корабле отыскал Русаков и раненого командира. Его уже перевязали. Командир батареи и говорит:

— Ну, морячок, тебя бы к нам! Ты же настоящий конник!

— Точно, — говорит Русаков. — Я конником и был...

— Как так?

— А так. Служил в Первой Конной. С начдивом товарищем Пархоменко. И вернул моряк командиру батареи его издавшую виды нагайку...

О. ОРЛОВ

ОКЕАНСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

Приз «Голубая лента Атлантики» решили присуждать кораблю, который пересечет Атлантический океан быстрее других. Победитель на мачте поднимал голубой вымпел, а команда получала большой денежный приз.

Иногда гонка заканчивалась трагически: капитаны не сбавляли скорость даже в опасных местах. Так погиб, столкнувшись с айсбергом, «Титаник»... Состязались англичане, немцы, французы, американцы, итальянцы...

Скорости росли. Пароход «Британия» в 1840 году пересек Атлантику за 10 суток. «Аляска» в 1882 году — за 7 суток с небольшим. В 1907 году рекорд «Мавритании» — 4 суток 22 часа 29 минут. Рекорд «Куин Мэри» в 1936 году — 4 суток и 27 минут... А в 1956 году чемпионом стал американский лайнер «Юнайтед Стейтс». Он пересек Атлантику за 3 суток 10 часов и 40 минут...

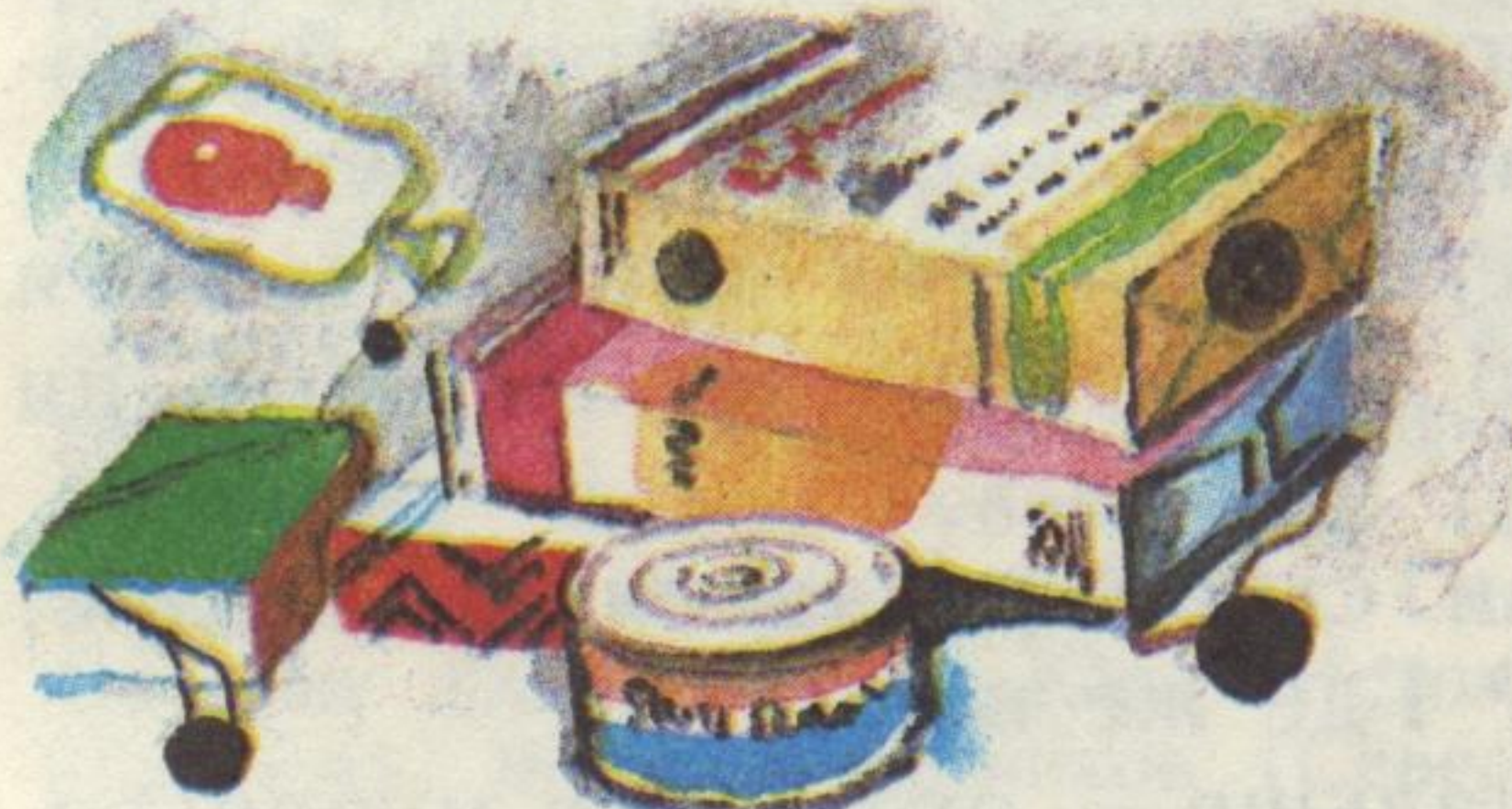
Гонка не закончена... Сейчас побить рекорд готовятся англичане. Они строят быстроходный катамаран — судно из двух корпусов, соединенных крепкой платформой. Скорость катамарана будет около 90 километров в час. По расчетам Атлантику можно будет переплыть за 66 часов. И поднять на мачте — голубой вымпел!

ЧЕРЕЗ ОКЕАН НА РЕЗИНОВОЙ ЛОДКЕ

(Рассказ в картинках)

7. Бомбар взял с собой только удочку и небольшую сеть для планктона. Планктон очень питателен, в нем много витамина С.

8. Пакет с неприкосновенным запасом еды Бомбар велел опечатать, чтобы было видно, что он его не тронул. Этот пакет он мог открыть только совсем умирая от голода...

9. Сначала океан был приветлив. Но однажды сильный шторм едва не погубил отважного врача...

Продолжение. Начало см. в «Костре» № 4.

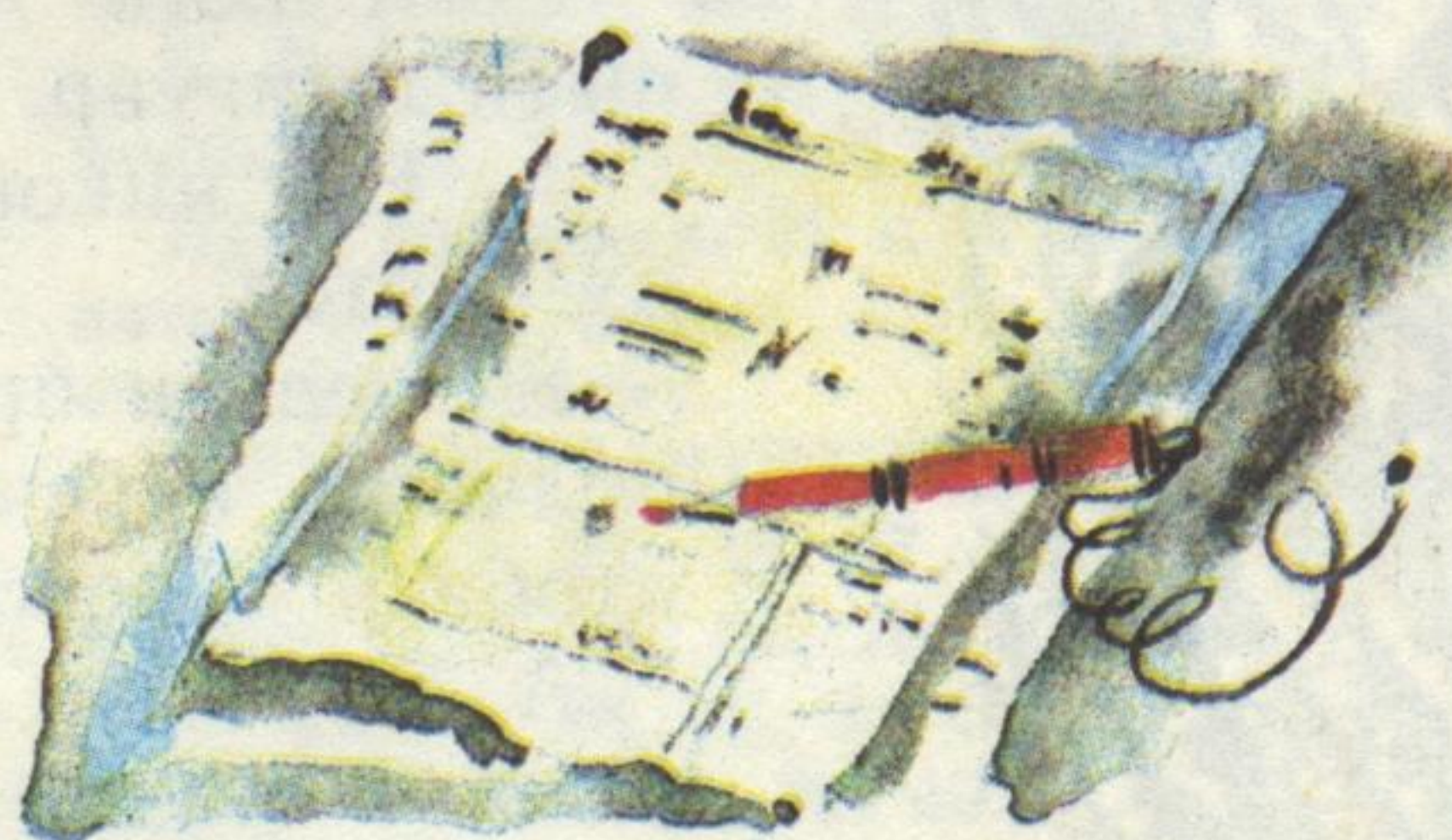

С ВЫСТАВКИ
ПИНГВИНА

УЧЕНЫЯ
В. Корзинников,
пос. Усть-Мая

Какой предмет принадлежит
какому кораблю?

10. Это — страничка из дневника Бомбара. Он вычислял свое место в океане. Позади уже были сотни километров. И тридцать дней плавания...

11. А это — рыбы, которых поймал Бомбар. Он их сфотографировал сам. Потом выжал из рыб сок и выпил его. А рыб съел — сырыми...

Окончание следует

ЯГУАР И МУРАВЬЕД

СКАЗКА ИНДЕЙЦЕВ ЮЖНОЙ АМЕРИКИ

Повстречался как-то ягуар с муравьедом.

— Ты что за зверь? — спросил ягуар. — Я не знаю тебя.

— Я тихий зверь, — промолвил осторожный муравьед, — вот ты и не знаешь меня.

— Давай познакомимся, пообедаем вместе, мой друг, — предложил ягуар. — Я принес тушу тапира, а ты принес бы дров для костра.

— Хорошо, — сказал муравьед, пошел и принес дров.

— Сейчас поедим, — сказал ягуар. — А ты бы, мой друг, разжег костер.

— Хорошо, — сказал муравьед и разложил костер.

— Все готово, — сказал ягуар, — остается поджарить мясо. Почему бы тебе не заняться этим, мой друг?

— Хорошо, — сказал муравьед и нажарил целую гору мяса.

В один миг ягуар сожрал полтуши тапира, а муравьеда бросил потроха.

Муравьед обиделся и не притронулся к пище.

— Что же ты не ешь, мой друг? — спросил ягуар.

— Это мясо мне не по вкусу, — ответил муравьед.

— А я плотно поел и теперь не прочь бы попить, — сказал ягуар. — Далеко ли тут ручей?

— Не очень далеко, — ответил муравьед, хотя прекрасно знал, что поблизости нет ни реки, ни ручья.

Ягуар удалился и скоро раздался его голос:

— Где же ручей? Где же вода?..

— Дальше, иди дальше, — отозвался муравьед, а сам быстро-быстро доел жаркое из тапира и забрался на дерево ятоба.

Когда ягуар злой вернулся к костру, он не увидел ни мяса, ни муравьеда. Но ягуар учуял, где спрятался муравьед.

— Так-то ты отплатил мне за мою доброту! — зарычал он. — Теперь я растерзаю тебя в клочья!

— У меня тоже длинные когти, и я не боюсь тебя, — ответил муравьед.

— А кого же ты боишься? — спросил любопытный ягуар.

— Нет никого страшнее кусачих муравьев. Все их боятся.

«А ведь и правда!» — подумал ягуар и позвал полчища кусачих муравьев. Они осадили дерево ятоба и побежали вверх по стволу.

А муравьед тому и рад — высунул длинный язык и начал слизывать муравьев. И все муравьиное войско в панике кинулось прочь...

Пересказала Л. КОКОРИНА

Рисунок Е. Вознесенской

МО-ЛОД-ЦЫ!

Штаб АРЧЕБЕКА во всеуслышание объявляет итоги финальных сражений в Чемпионате 1986 года!

Звание чемпиона завоевали — по шахматам: Илья Бирюков (Тула), Сережа Журавлев (Баку), Петя Портянский (Тула), Олег Сергеев (Чапаевск), Саша Федосов (п. Ясное) — по 210 очков; по международным шашкам: Рушан Валеев (Пермь) — 210; по русским шашкам: Рушан Валеев (Пермь) — 210.

Звания чемпионок удостоены — по шахматам: Лиля Шелль (Нурек) — 210 очков; по международным шашкам: Соня Корсунская (Москва) — 200; по русским шашкам: Оля Телешова (Ленинград), Лена Бойчук (с. Ставки) — по 195.

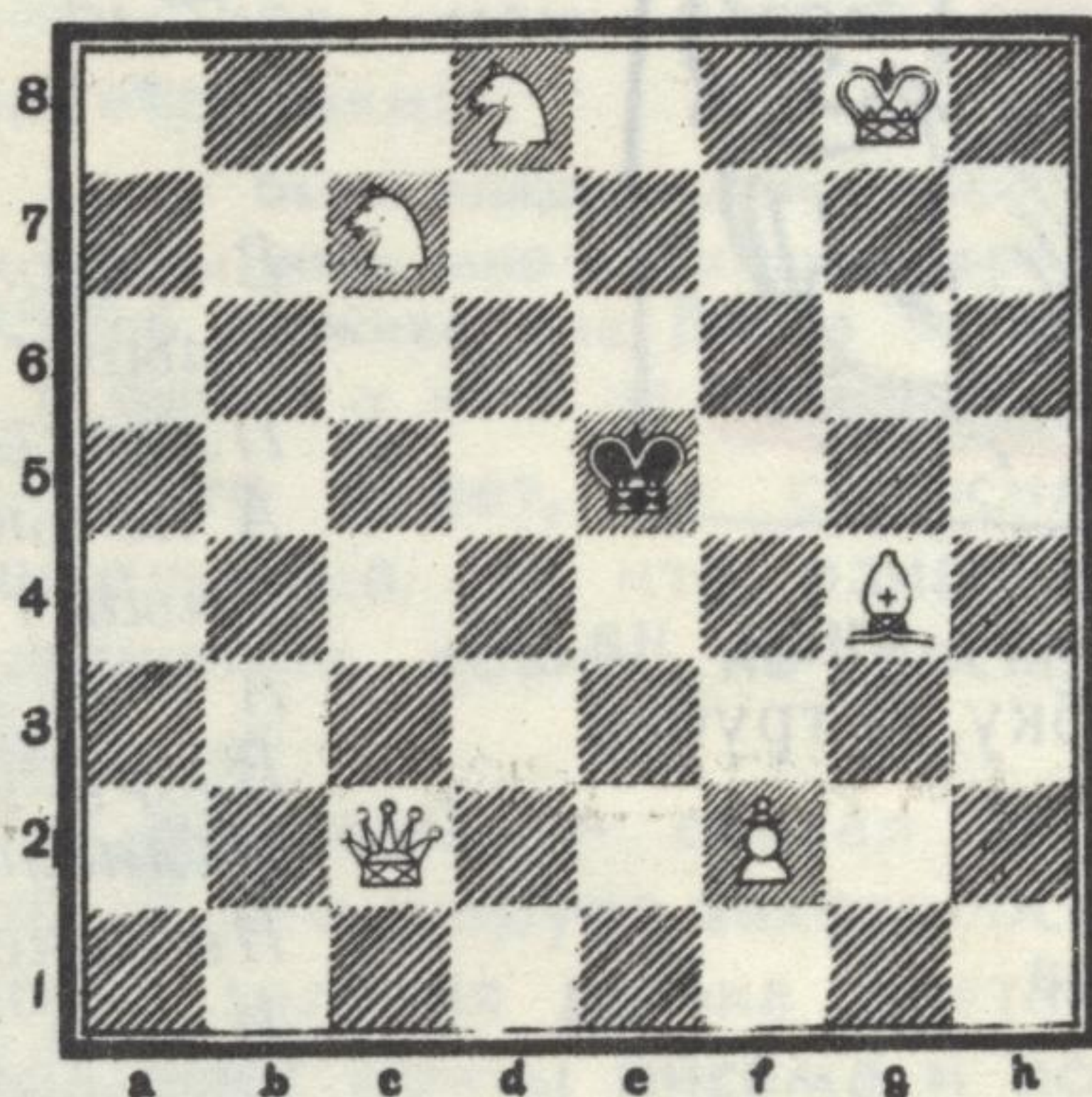
Дипломом и призом награждены и следующие победители.

В турнирах мальчиков — ШХМ: Роман Волков (Донецк), Олег Лейман (Приморск), Саша Левицкий (Ленинград), Марат Ахтямов (Елабуга), Андрей Цветков (Волжский), Алеша Виноградов (Ленинград), Павел Гимельберг (Новосибирск), Алексей Капитоненко (Сумы), Игорь Сокирка (п. Мироновский), Всеволод Евстигнеев (Горький), Руслан Губайдуллин (Бакал), Алеша Мелешук (Киев), Саша Сергеев (Хабаровск), Юра Истомин (Тамбов), Женя Колесников (Северодвинск), Андрей Резниченко (Дебальцево), Павел Федосеев (Новгород), Алексей Князев (Горький), Миша Куликов (Тула), Руслан Бежан (Ташауз), Сережа Станкович (Хабаровск), Федя Семенов (Челябинск), Боря Селезнев (Астрахань); МШ: Павел Гимельберг, Алексей Капитоненко, Костя Петров (Москва), Женя Кудрявский (Пинск), Сережа Бурко (Орша), Саша Сергеев (Хабаровск), Сережа Курницкий (с. Угловата), Миша Крохин (п. Парковый), Леня Иосилевич (Арзамас), Юра Суриков (Архангельск), Коля Спицын (Москва); РШ: Леня Иосилевич, Андрей Резниченко, Андрей Чопик (д. Дудичи), Павел Гимельберг, Ермек Нугуманов (с. Алексеевка), Сережа Бурко, Алеша Виноградов, Алексей Капитоненко, Валерий Калинин (Новодвинск), Женя Кудрявский, Миша Куликов, Костя Петров, Слава Соколов (Пермь), Валерий Смирновский (Челябинск).

В турнирах девочек — ШХМ: Таня Терлецкая (Мытищи), Надя Петрова (Боровичи), Наташа Ютанова (Моск-

ва), Валя Кудинова (Ленинград), Лариса Уткина (с. Н.-Пальник); МШ: Лена Бойчук, Наташа Ютанова, Оля Телешова (Ленинград), Ира Куколева (Херсон), Оля Сироткина (Волгоград); РШ: Галя Исаченко (Бахчисарай), Света Ежикова (Красноярск), Марина Лисняк (Лисичанск), Ира Лень (ст. Илеза), Юля Ивкова (п. Никель), Юля Ютанова (Москва).

Еще 37 разведчиков награждены дипломами, а 172 получили документ о присвоении спортивного разряда.

ЧЕМПИОНАТ — 5-й ТУР

Всем разведчикам предлагается выполнить следующие боевые задания.

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Кре3, Лh8, Ке5; черные: Крe1, пп. b4 h3, h4.

Б. Белые: Кра6, Ла7; черные: Крb8, п. c2.

Цель разведки. Выявить, дается ли в А мат в 4 хода и достигается ли белыми ничья в Б.

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: а5, b4, c3, d2, d4, h4, h6; черные: b8, c7, d6, f4, f6, f8, g7, h8.

Б. Белые: d2, e1, e3, e5, f2, f4, h6; черные: а5, b6, c7, d6, f8, g7, h4.

Цель разведки. И в А и в Б доказать, что у белых есть возможность одержать победу.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 22, 33, 37, 41, 42, 43, 49; черные: 5, 9, 16, 21, 28, 40.

Б. Белые: 28, 32, 33, 37, 47, 50; черные: 9, 12, 21, 26, 36, 40.

Цель разведки. Проверить, правы ли авторы — В. Деревецкий (А) и В. Степанов (Б), утверждающие, что в этих позициях белые выигрывают.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Представь, что в этой партии твои белые — Крh1, Фb2. И противник, чьи черные фигуры стоят так — Крг8, Фа7, Лg7, п. h7, уже собирается торжествовать победу. Но ход сейчас твой... Сделай его! И напиши, чем закончится эта твоя партия.

КИОСК

«МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

— Какая шахматная задача называется малюткой?

— В которой не больше пяти фигур (белых и черных вместе).

КОНКУРС

«МАЙСКИЙ ПРИЗ»

Кто хочет участвовать в этом однотуровом состязании? Включайтесь! А восьмерых будут ждать награды... Задачи такие —

№ 1. Белые: Кре6, Фd6, Кf4, п. f2; черные: Крг5.

№ 2. Белые: Крг7, Фd5, Кd6; черные: Кре7, Cd7.

№ 3. Белые: Крг1, Фf2, Cf1; черные: Крд1, п. c2.

№ 4. Белые: Крг2, Фc4, Cf8, Kh4; черные: Крг5.

№ 5. Диаграмма.

Авторы задач (№№ 1, 2, 3, 4 — Вячеслав Антипов, Боровичи, № 5 — Валентина Черыкова, Новосибирск) спрашивают: во сколько ходов белые смогут дать мат?

К каждой задаче нужно писать ответ на отдельной открытке и посылать их отдельно (не вкладывая в конверт). Можно решить только одну задачу, две или сколько получится. Призы будут разыграны так: один — среди решивших задачу № 1, второй — среди решивших № 2 и т. д. И три приза будут разыграны среди тех, кто помимо отдельных открыток пошлет еще и все пять решений в одном письме.

На открытках и на письме пометить — «Майский приз» Отправить их до 1 сентября. Призеры будут названы в «Костре» № 11.

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

Задачи в «Костре» № 3 решаются так.

Чемпионат. ШХМ. А. 1. Се5! Б. 1. а8К! Кра5 2 Кd6.

РШ А. 1. ed2! 2. b2! 3. f4X Б. 1. d2!X.

МШ А. 1. 42! 2. 27 3. 23X. Б. 1. 30! 2. 31X.

Резерву. а. 1. Лb4 б. 1. Крс6.

ПРИКАЗ № 5

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕ-Ком, приказываю:

§ 1. Рапорты о выполнении боевых заданий отправить до 1 сентября.

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Весёлый звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Раздался телефонный звонок. Гена, сидя на мягком диване, потянулся и снял трубку. В трубке послышался знакомый голос Кости:

- Алло, Ген, это ты?
- Я. Кто же еще, — ответил Гена.
- А это — я, Костя.
- Слышу. Чего звонишь?
- Так просто. Математику сделал?
- Еще не садился. А ты?
- И я не садился. А русский?
- Еще не брался. А ты?
- И я не брался. А природоведение?
- Не прикасался. А ты?
- И я не прикасался. А чего тогда делаешь?
- Ничего. А ты?
- И я ничего.
- Тогда приезжай ко мне.
- Зачем?
- Будем вместе ничего не делать. Вдвоем веселей!
- Лучше ты ко мне...
- А что у тебя будем делать?
- То же самое: ничего.
- А почему у тебя? Я ведь первый предложил!
- А у меня дома никого нет.
- И у меня никого. Приедешь?
- Нет, лучше ты!
- Ну ты и лентяй! На два этажа лень подняться!
- Это ты лентяй! На два этажа спуститься не можешь!
- Ладно, — вздохнул Гена. — Может быть, и приеду... Если лифт работает.

В высоком небе облако плывет.
Плывет по морю белый теплоход.
Плывет над сонным лесом тишина,
А ночью по реке плывет луна.
Плывет туман по утренним полям,
А в космосе меж звезд плывет Земля.
В пруду утята — бойкие пловцы
И лягушата — комаров ловцы.
Не хочет ни за что отстать от них
И мой знакомый — Петя-ученик.
Усилия пловцов ему близки.
Плывет и он.

Но только... у доски!

Б. КАНЕВСКИЙ

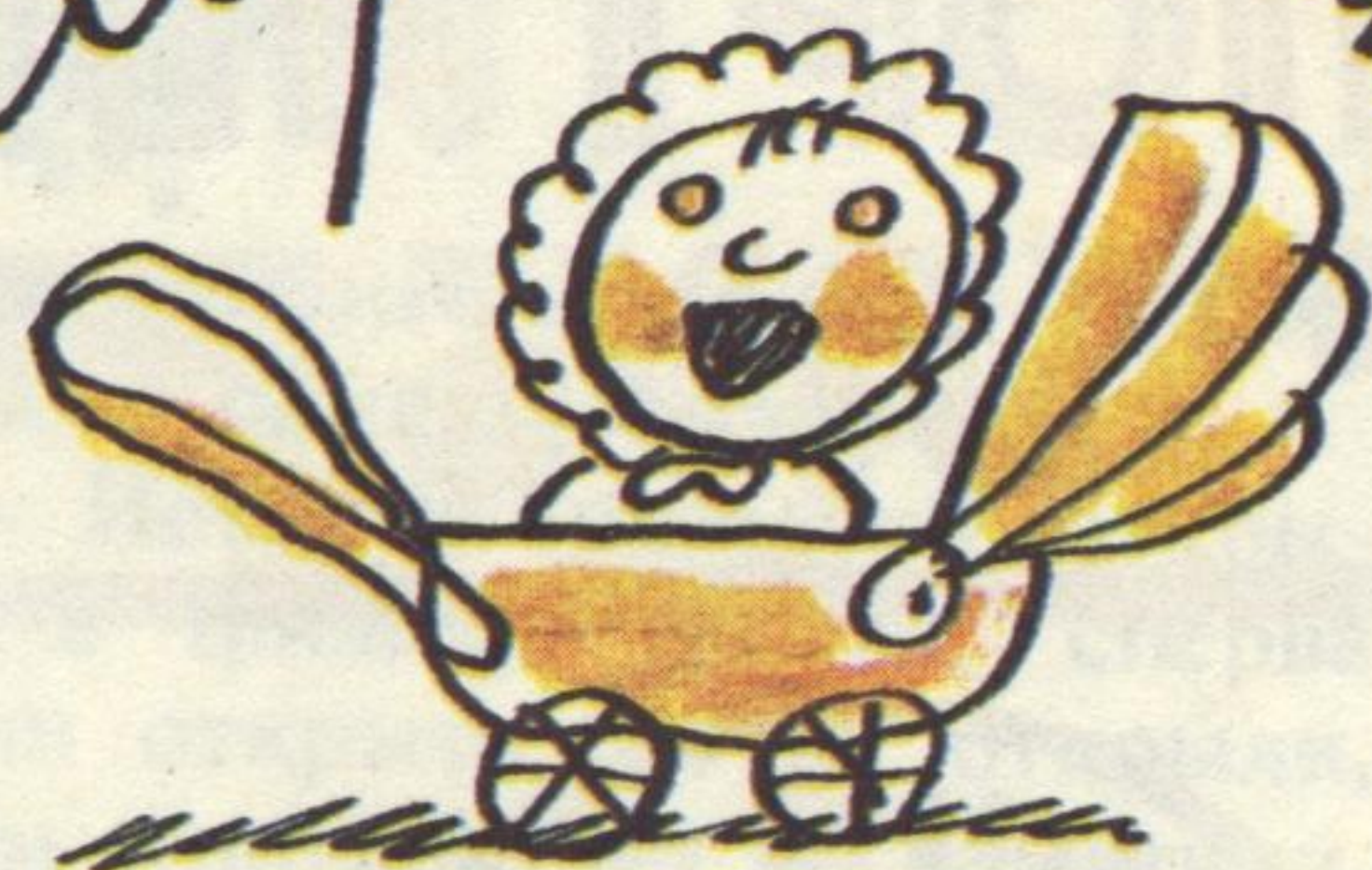

КОНКУРС

„и все
засмеялись!“

Говорят малыши

Смешные случаи бывают не только в школе, но и дома. И часто их «авторами» являются ваши маленькие братья и сестрички. Мне приятно, ребята, что вы не проходите мимо, а записываете и присылаете мне смешные высказывания малышей. Я даже решил для таких писем завести специальную рубрику. Она будет так и называться — «Говорят малыши».

Моя трехлетняя сестричка, увидев в деревне уток, крикнула:

— Смотри, Света, какие глупые утки — сырую воду пьют из лужи!

Света Станкевич,
Петропавловск-Камчатский

Младший брат мне задал загадку:

— Что это такое — сервант, а на серванте — стул?

— Не знаю, — сказал я, — сдаюсь!

— Это ремонт!

Света Жарова,
Самарканд

По дороге из садика сестренка меня спросила:

— Марина, а правда, что мы произошли от обезьян?

— Правда.

— И ты?

— И я.

— А у тебя фотография сохранилась?

Марина Головизнина,
Зоя Амурской области

Учительница немецкого языка вызвала Олега и сказала: — Расскажи, пожалуйста, о себе.

— А чего рассказывать?

— Что хочешь. Только, конечно, по-немецки.

Олег долго думал, потом вдруг сказал по-русски:

— Я хороший!

И все засмеялись!

Юля Соколова,
5 класс,
Колпино
Ленинградской области

Во время классного часа говорили о вежливости.

— Некоторые ребята, — сказала Галя Иванова, — даже не здороваются друг с другом. Например, Лена. Она никогда со мной не здоровается.

Тут Лена повернулась к Гале и ехидно сказала:

— Здравсте!

И все засмеялись!

Алла Рыжая,
Бровары
Киевской области

Когда мы читали вслух сказку А. С. Пушкина «О рыбаке и рыбке», нам встретились такие строки:

«Хочу быть владычицей морскою, Чтобы жить мне в Окияне море, Чтоб служила мне рыбка золотая И была б у меня на посылках».

— Кто знает, — спросила учительница, — что означает выражение «быть на посылках»?

— Я знаю! — сказал Егоров. — Это старухе захотелось, чтобы золотая рыбка доставляла ей с почты письма и посылки!

И все засмеялись!

Андрей Костылев,
г. Брежнев

На уроке математики Петю вызвали к доске, чтобы решить задачу. Он написал условие, потом долго молчал, уставившись в одну точку.

— Ты долго собираешься так стоять? — спросил Иван Кузьмич.

— Я еще не врубился! — ответил Петя, и все засмеялись!

Лена Росина,
Воронеж

ВСЕСОЮЗНЫЙ СПОРТИВНЫЙ КЛУБ

**ВЫШЕ!
ДАЛЬШЕ!
БЫСТРЕЕ!**

Ленинград.
Зимний стадион.

Восьмые финальные соревнования Всесоюзного спортивного клуба «Кузнечик» на призы редакции журнала «Костер» и Управления легкой атлетики Государственного комитета СССР по физической культуре и спорту.

В прыжковых секторах и на беговых дорожках борьбу вели 374 юных спортсмена из 50 городов и поселков нашей страны.

Звание чемпионов в отдельных видах программы завоевали:

В беге на 60 м —

Люда Липская (Бердичев) — 7,8 сек. и Антон Тимошенко (Ленинград) — 8,1 сек.

Лена Чикулаева (г. Андропов) — 7,5 сек. и Дима Бурлак (Алма-Ата) — 7,3 сек.

Наташа Бузуй (Ростов-на-Дону) — 7,6 сек. и Вася Махарадзе (Тбилиси) — 6,8 сек.

В прыжках в длину —

Вера Осипова (Кемерово) — 535 см и Тарас Луценко (Чернигов) — 520 см,

Фамилии победителей мы печатаем в порядке возрастных групп: 1975—1974, 1973—1972 и 1971—1970 годов рождения.

Лена Чикулаева (г. Андропов) — 578 см и Саша Кулабухов (Алма-Ата) — 640 см,

Наташа Бузуй (Ростов-на-Дону) — 637 см и Вадим Язев (Чимкент) — 705 см.

В прыжках в высоту —

Наташа Иванищева (Кемерово) — 155 см и Саша Журавлев (Бердичев) — 170 см,

Ира Шкрабий (Бердичев) — 176 см и Андрей Косоруков (Донецк) — 185 см,

Наташа Шкарупа (Бердичев) — 180 см и Сережа Станковский (Бердичев) — 200 см.

А вот кто стал чемпионом «Кузнечика» в многоборье:

Вера Осипова (Кемерово) и Саша Журавлев (Бердичев),

Лена Чикулаева (г. Андропов) и Саша Кулабухов (Алма-Ата),

Наташа Бузуй (Ростов-на-Дону) и Вася Махарадзе (Тбилиси).

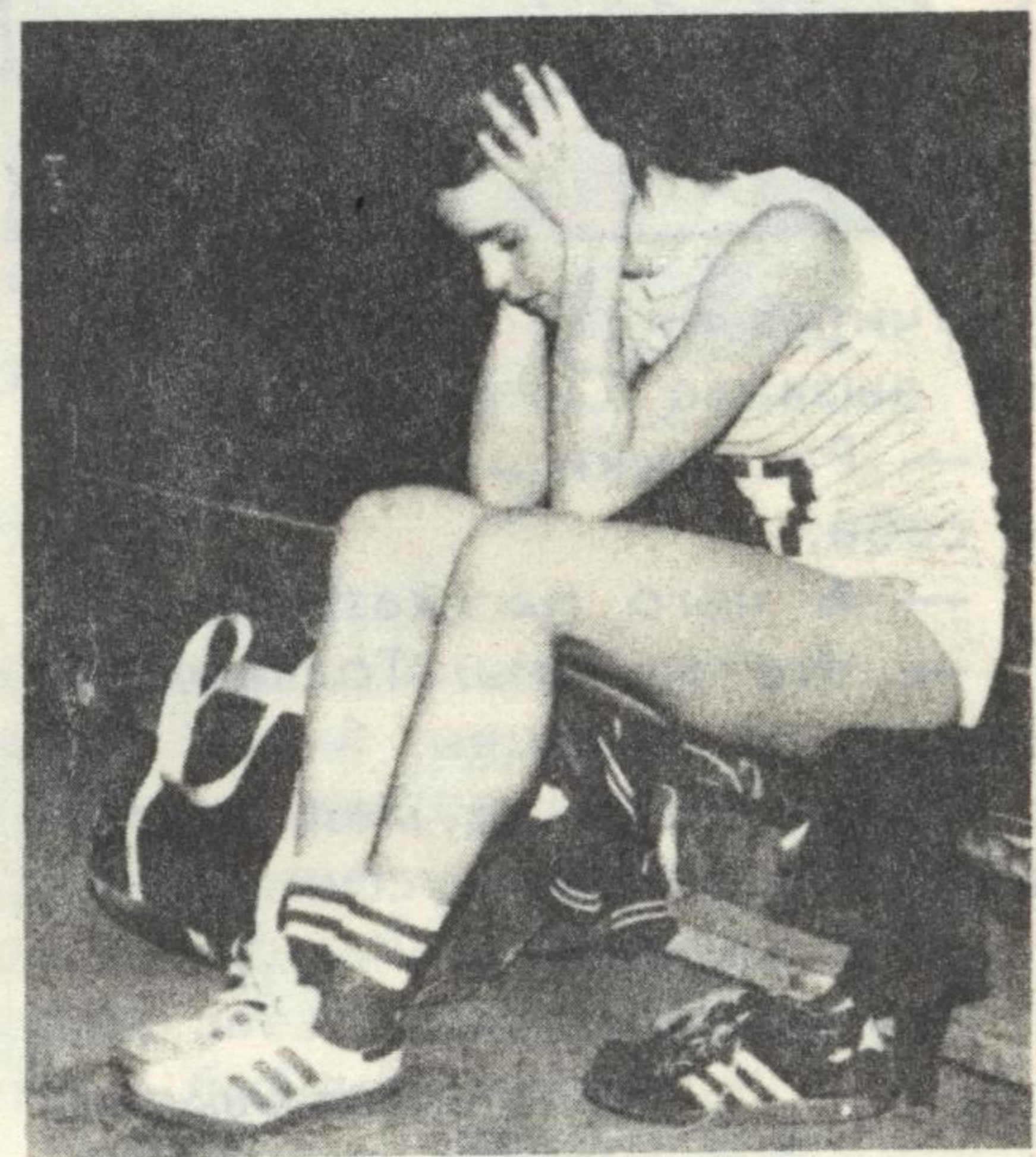
Победителем всесоюзного конкурса «Костра» на лучшую школьную команду прыгунов и спринтеров стала команда школы № 12 поселка Коксовый Ростовской области.

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ олимпийскому чемпиону по прыжкам в высоту Юрию Тармаку:

— Итак, соревнования закончены. Как Президент спортклуба что бы Вы хотели отметить в первую очередь?

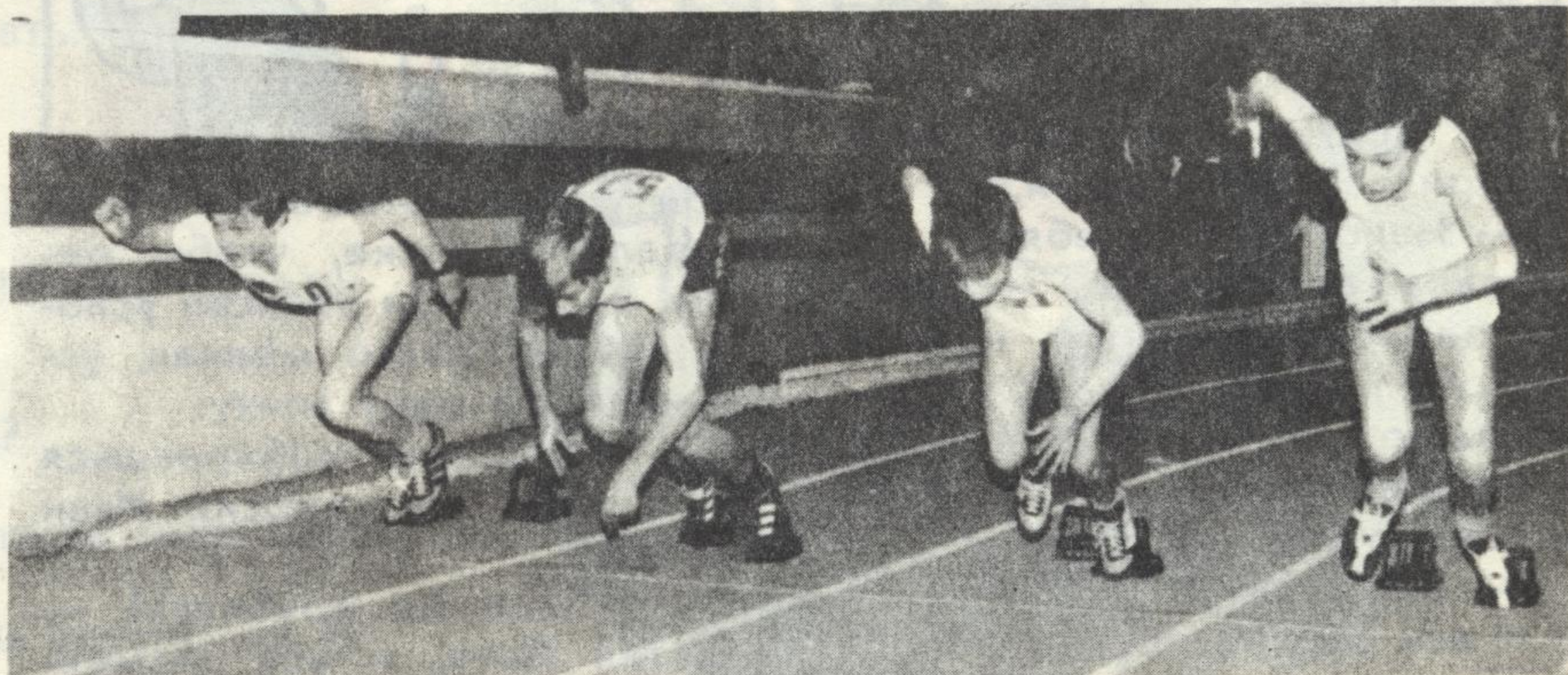
— На трибунах стадиона можно было встретить самых знаменитых тренеров и специалистов по легкой атлетике.

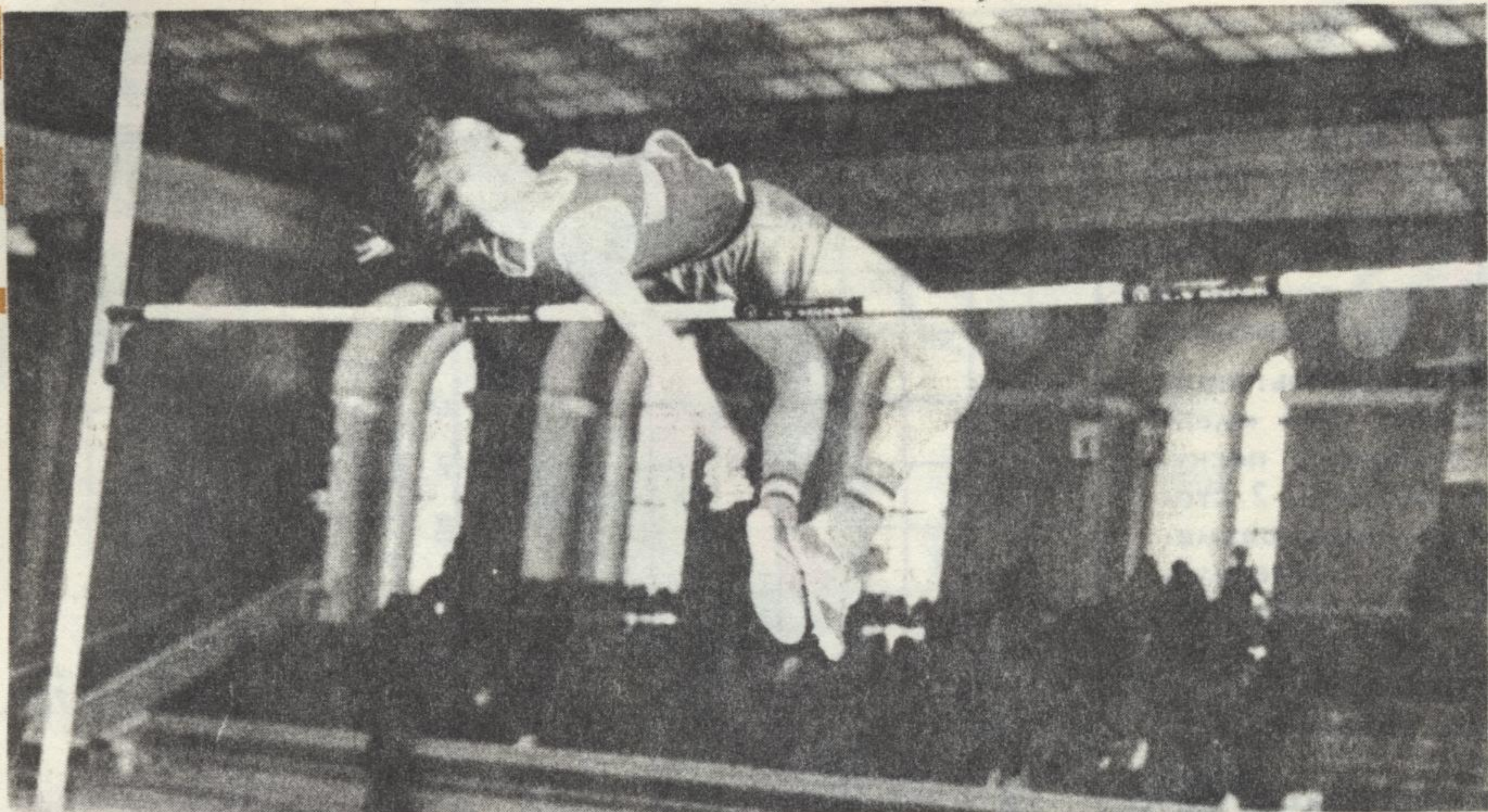
За выступлениями мальчишек и девчонок внимательно наблюдали и Павел Наумович Гойхман — тренер первого советского рекордсмена мира по прыжкам в высоту Юрия Степанова, и Анатолий Иванович Вогуль — тренер Игоря Паклина, нынешнего рекордсмена мира. Кто будет завтра защищать честь нашей страны на чемпионатах мира и Европы, выступать в составе сборной СССР на Олимпийских играх? Сегодня этот вопрос интересует всех.

— И, видимо, интересуют не только результаты, которые показывают мальчишки и девчонки?

— Совершенно верно. Главное — это характер юного спортсмена, его трудолюбие, мужество и честность. Без этих качеств настоящим спортсменом не станешь. И здесь я хотел бы хоть немножко рассказать о «кузнечиках» школы № 12 поселка Коксовый. Девочки этой школы — Настя Ще-

нина, Ира Падалкина, Инна Тифенбах, Таня Попова и Наташа Карева — отличные спортсменки. Например, Инна Тифенбах заняла четвертое место в многоборье. Все они хорошо учатся. А во время летних каникул умело трудятся в подшефном колхозе. Кстати, на наши соревнования они приехали на деньги, заработанные во время уборки урожая.

А Дима Кошман — «кузнечик» из города Андропова? Так получилось, что «при помощи судей» он мог стать чемпионом спортклуба по многоборью...

— Не понимаю, как это, при помощи судей? Они — что, ему подсуживали?

— Конечно, нет. В судейской бригаде на соревнованиях были арбитры самой высокой квалификации. Среди них восемь судей всесоюзной категории, четыре судьи республиканской категории. Но спорт — есть спорт. Бывает, что и самые опытные судьи ошибаются. Что же произошло? Во время финального забега на 60 м мальчиков средней возрастной группы перепутали номера участников. И объявили, что вторым на финише был Дима. Хотя на самом деле вторым был Сережа Кораблев из города Шумерля Чувашской АССР. И Дима не согласился с решением судей...

— Подал протест в пользу соперника?

— Да. И когда стали разбираться, выяснилось, что он прав. А на следующий день, после соревнований по прыжкам в высоту, выяснилось еще одно очень важное обстоятельство.

Три десятых секунды, которые судьи, сами того не ведая, подарили Диме Кошману и от которых он отказался, стоили дорого. Именно их Диме не хватило для победы в многоборье. Факт, как говорится, не требует комментария. Но лично для меня эти три десятых секунды — лучшая характеристика юного спортсмена.

— Во время награждения участников соревнований одному из прыгунов, который брал все высоты с первой попытки, был вручен приз «В счастливой рубашке». Когда диктор сказал, что это приз восьмиклассницы Лены Грибановой из Волгограда, некоторые болельщики удивились.

— Чему же тут удивляться? Соревнования у нас детские, значит, и хозяевами на соревнованиях должны быть мальчишки и девчонки: устанавливать призы, помогать судейству, и делать все от них зависящее, чтобы каждый финал «Кузнечика» был праздником. Лично я удивляюсь другому. Почему во многих школах делают вид, что бегать и прыгать пионерам противопоказано? Почему в поселке Коксовый ребята, о которых я рассказывал, вынуждены тренироваться в тесном, подвальном помещении. Представляете, «королева спорта» — в подвале! Неужели такое положение устраивает комсомольских и спортивных руководителей Ростовской области? Для таких ребят — победителей Всесоюзного конкурса я бы ничего не пожалел.

С Президентом СК «Кузнечик»
беседовал В. ВЕРХОВСКИЙ

Американский ученый Г. Дж. Липкин однажды сказал:

— История каждого открытия в физике такова: сперва могли открыть, но не открыли, затем открыли, но не заметили, потом заметили, но не поверили. А после этого мир восклицает:

— О-о! Какая неожиданность!

Французский химик Куртуа в 1811 году ставил опыт. Он приготовил настой из золы морских водорослей. Рядом с этим сосудом стоял другой, в котором находилась смесь серной кислоты с железом. На плече у химика сидел его любимый кот. Вдруг кот прыгнул и опрокинул сосуды. Жидкости смешались, поднялись клубы фиолетового дыма, а на столе образовались кристаллы с едким запахом. Так был открыт йод.

Физик Кирхгоф однажды рассказывал об изобретенном им спектральном анализе.

— Спектр Солнца говорит о том, что там есть золото, — сказал физик.

— Что за польза из такого открытия, ведь золото с Солнца не достанешь! — возразил один из слушателей.

Вскоре Кирхгофу за открытие присудили золотую медаль.

— Ну, вот я и достал золото с Солнца! — пошутил ученый.

Передо мной три письма. Света Суляк из Воркуты прислала рецепт. Таня Кругликова (Канев) и Таня Прок (Кировоградская обл.) спрашивают: что такое гурьевская каша и цукаты? Сейчас вы поймете, почему я объединила эти письма.

«МАННИК» Светы Суляк. Я попробовала его выпечь: просто, вкусно, быстро. Спасибо, Света, за рецепт. Для «манника» нужно размешать 2 яйца и стакан сахарного песка. Добавить $\frac{1}{2}$ чайной ложки соды, 1 стакан сметаны, 2 столовые ложки муки и стакан манной крупы. Хорошо размешав, выложить тесто в глубокую сковородку, смазанную маслом и чуть присыпанную манкой. Ставить в прогретую духовку и выпекать 20 мин. на среднем огне. В духовку не заглядывать (тесто «сядет»). Корочка «манника» должна покоричневеть. Сверху его можно намазать вареньем или гущенным молоком.

ГУРЬЕВСКАЯ КАША. В кипящее молоко кладут сахар, постепенно всыпают манную крупу и, помешивая, варят 10 минут. Добавляют масло, яйца и хорошо размешивают. На смазанную маслом сковороду выкладывают кашу, посыпают сахарным песком и ставят в духовку до образования светлорыжевой корочки. На $\frac{3}{4}$ стакана манной крупы — 2 яйца, $\frac{1}{2}$ стакана сахарного песка, 2 стакана молока, 2 столовые ложки сливочного масла. Эту кашу поливают сладким соусом или посыпают дробленым орехом. Украшают консервированными фруктами или цукатами.

ЦУКАТЫ — сваренные в сиропе и подсушенные фрукты или их корочки. Вы выбрасываете апельсиновые корки? Попробуйте приготовить из них цукаты. Чтобы удалить горечь, корки варят 2—3 мин., кладут в холодную воду на 3 суток, ежедневно меняя ее. Режут по типу лапши, заливают сиропом: на 5 апельсинов — 2 стакана сахарного песка, $\frac{1}{2}$ стакана воды. Выдержав корки в сиропе 5—6 часов, варят 3—5 мин. Повторяют выстаивание и варку 3—4 раза. Вынув корки из сиропа, подсушивают. Так же готовят цукаты из лимонных корок, но после первоначальной варки, замочив их в холодной воде, меняют ее чаще, через 5—6 часов.

Как я узнала из писем, многие девочки любят выжигание и выпиливание лобзиком из фанеры. Лена Самойленко из Караганды организовала у подшефных октябрят кружок выжигания. Она спрашивает, где брать рисунки для выжигания. Лена, используй подходящие рисунки из журналов, открытки. Научи малышей **УВЕЛИЧИВАТЬ РИСУНКИ ПО КЛЕТКАМ**. На листе бумаги с квадратами, увеличенными в два или три раза, легко восстановить нужный рисунок даже не умеющим рисовать. Если ты заметила, все выкройки в журнале я даю на сетке, указывая, сколько сантиметров при увеличении будет сторона квадрата. Очень просто увеличить такую выкройку.

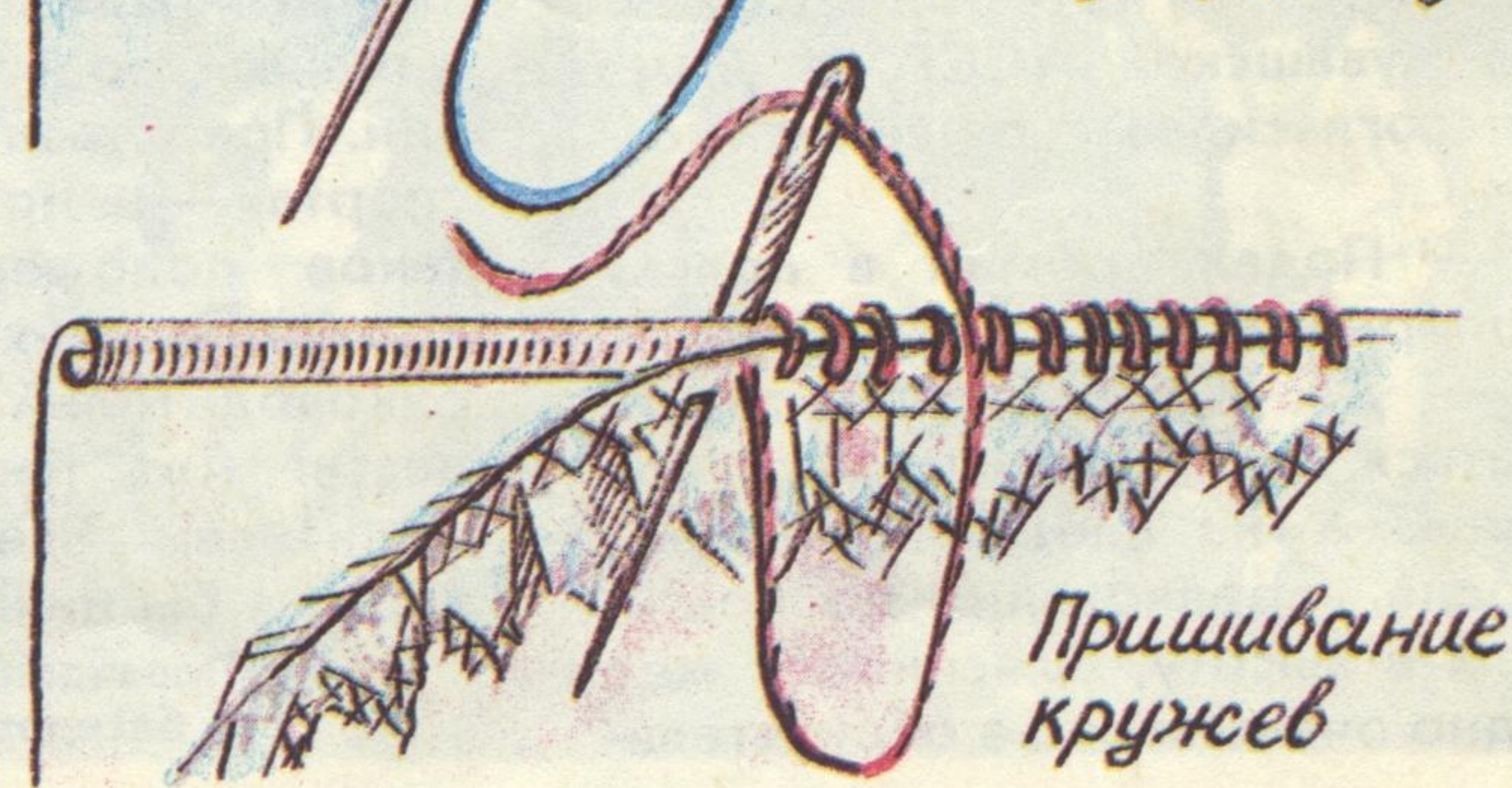
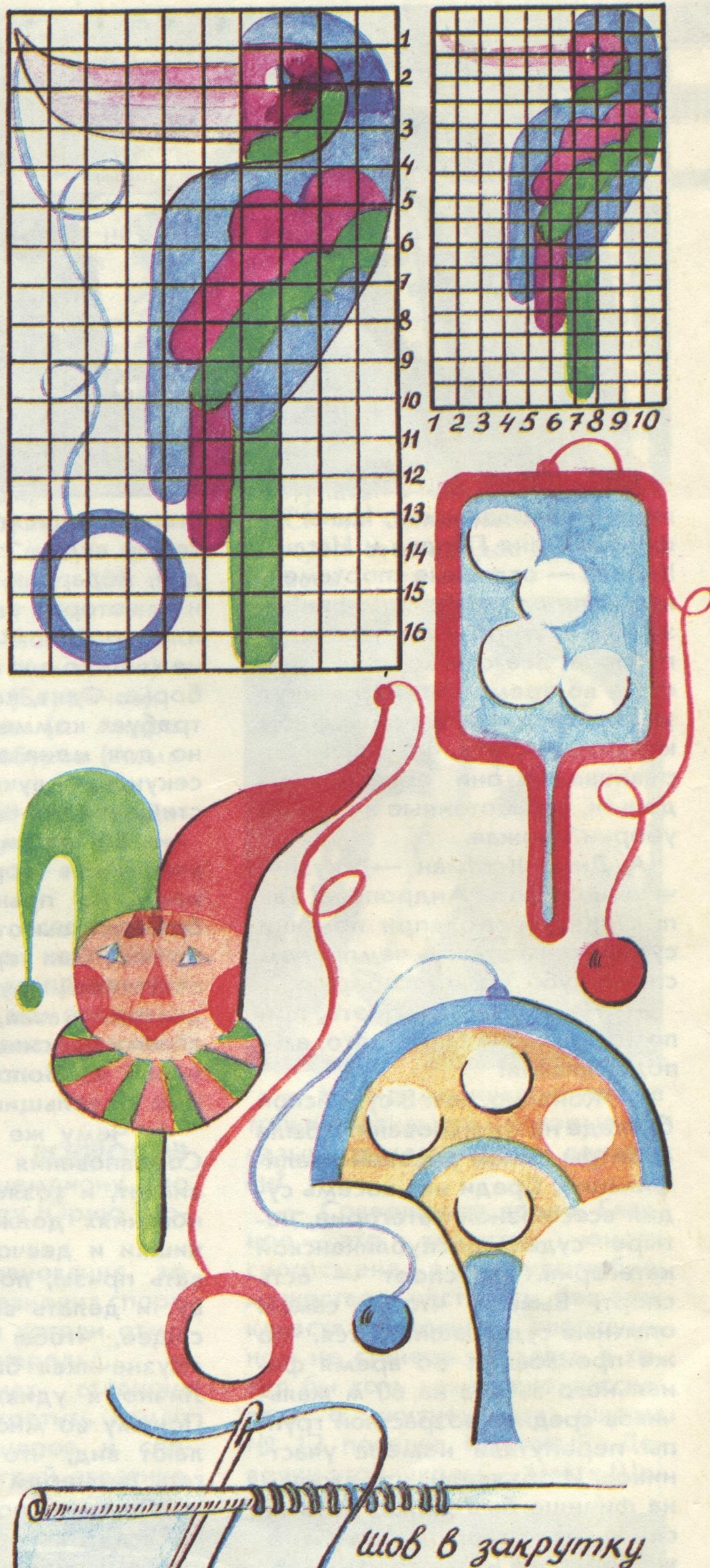
Если вы любите выпиливать, сделайте игру **БИЛЬБОКЕ**. Суть игры в том, чтобы привязанный на нитке шарик попал в сквозное отверстие, кольцо — на нос забавной фигурке. Фигурки раскрасьте. Шарик и кольцо можно взять от сломанных детских игрушек.

Вера Ясулевич пишет, что при шитье остаются куски ткани, из которых можно сделать легкий шарфик, косынку. Вера просит показать ручной шов, которым можно обработать края такого шарфика.

Для тонких тканей хороша **ЗАКРУТКА**. Край ткани закручивают и зашивают прямыми или косыми стежками. Этим же швом можно пришить к ткани кружево.

КРУГЛЫМ ШВОМ можно подрубить косынку, носовой платок, низ легкого, широкого платья. Загнув ткань на 0,5 см, захватывают илой основную ткань, потом ткань на загнутом крае, нитка ложится зигзагообразной линией. Подтягивая нитку, мы получаем красивый и аккуратный шов.

Рисунки Т. Петуховой

Конкурс! Конкурс! Конкурс!

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОФЕССОРА СИНИЦЫНА

Только что в Клуб «За семью печатями» пришло письмо от профессора Синицына, которое привело всех в полное недоумение.

Вот что писал профессор в своем письме: «...наконец мы сели в самолет, и он полетел точно на север. Проходили минуты, часы полета, самолет летел все тем же курсом неуклонно на север... и вдруг оказалось, что мы уже летим на юг!

Никто из пассажиров так и не смог объяснить столь странное явление. И сам я до сих пор теряюсь в догадках...»

Может быть, любители головоломок смогут найти ответ на этот вопрос? (10 очков.)

Оформление А. Януса

КОНКУРС КРОССВОРДОВ

Семиклассник САША РЫЛКИН из п. Новоросийск Актюбинской области долго пытался составить кроссворд, и наконец ему это удалось. Его кроссворд называется «География».

По горизонтали: 5. Река в Южной Америке. 6. Союзная республика. 8. Море Тихого океана. 11. Река в Южной Америке. 14. Город на Десне. 15. Вулкан в Северной Америке. 16. Государство в Африке. 17. Пролив, соединяющий Тихий и Атлантический океаны. 21. Союзная республика. 22. Европейское государство. 23. Город в ФРГ. 26. Азиатское государство. 27. Город в Северной Америке. 28. Город в США.

По вертикали: 1. Город в ФРГ. 2. Река в Чехословакии. 3. Река в Средней Азии. 4. Штат США. 7. Остров у побережья Уэльса. 9. Государство в Азии. 10. Город в ФРГ. 12. Город на берегу Аральского моря. 13. Город в Шотландии. 18. Столица ЮАР. 19. Полуостров в Африке. 20. Город в Канаде. 24. Река на острове Суматра. 25. Столица европейского государства.

5 очков.

Путешествие профессора Синицына.
Смотри рисунок.

Конкурс кроссвордов.

По вертикали: 1. Клен. 6. Утка.
По горизонтали: 2. Лама. 3. Аист. 4. Кролик. 5. Коала. 7. Лимон.
Название бабочки — махаон.

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:

Л. А. БОГАЧУК, В. М. ВЕРХОВСКИЙ, Ю. Н. ЗАРУДНЕВ (зам. главного редактора), О. П. ОРЛОВ, А. И. ПАНТЕЛЕЕВ, Р. П. ПОГОДИН, Е. В. СЕРОВА, Н. И. СЛАДКОВ, А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь), Г. П. ЧЕРНЫЙ, Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор А. Н. АЗЕМША

Технический редактор В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор Д. Г. ЛАЗДАН

Адрес редакции: 193024, Ленинград, ул. Мытнинская, 1/20, телефон: 274-15-72

М-26085. Сдано в набор 05.01.87. Подписано к печати 19.03.87. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6. Усл. печ. л. 6. Уч.-изд. л. 8,1. Печать офсетная. Тираж 1 170 000 экз. Заказ 2127. Цена 30 к.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 197101, Ленинград, ул. Мира, 3.

36/3 130

30 к.
Индекс 70445

ВИКТОРИНА С РИСУНКАМИ

1. Как называется этот летательный аппарат? Откуда пошло его название?
2. Что поднимало над землей первые воздушные шары?
3. Разве дирижабли летают в Арктике?
4. Зачем вертолету еще маленький винт на хвосте?
5. Как называется эта необычная машина?